

# Космос

10  
ОКТАБРЬ  
1960







*Есть чем гордиться Гене Калашникову — воспитаннику ремесленного училища. Его учит знатный судосборщик Адмиралтейского завода Герой Социалистического Труда Василий Александрович Смирнов.*

*Фото Б. Уткина*



# Костёр

10

ОКТАБРЬ

1960

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной  
пионерской организации  
имени В. И. Ленина

Союза писателей СССР

**В ЭТОМ НОМЕРЕ:**

**ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ,  
СКАЗКИ**

«СКОЛЬКО СТОИТ ДОЛГ»  
Р. Погодина, «ОТКРЫТИЕ ПРО-  
ФЕССОРА МИНАЕВА» Карела  
Черни, «ПО СЛЕДАМ М. Р.»  
Б. Раевского и А. Софьина, КИ-  
ТАЙСКИЕ СКАЗКИ

**СТИХИ:**

«ФЕХТОВАЛЬЩИЦА» Р. Кра-  
сильщиковой. «ХВАСТУН» Б. Ста-  
росельского

\*

**ОЧЕРКИ**

«ОЛЕНЬ НА СКАЛЕ» М. Да-  
нины, «ГОСУДАРСТВО-СПРУТ»  
И. Григорьева и С. Стецкевича,  
«В ОКЕАНЫ ВСЕЛЕННОЙ»  
А. Томилина, «ТРИ ДЖЕНТЛЬ-  
МЕНА У ЛОНДОНСКОГО ТА-  
УЭРА» Игн. Ивановского,  
«В СТРАНЕ ДРУЗЕЙ» Ю. Под-  
ляского

\*

**МОРСКОЙ КЛУБ**

\*

**ЛЕНИНГРАД — „КОСТЕР“**

\*

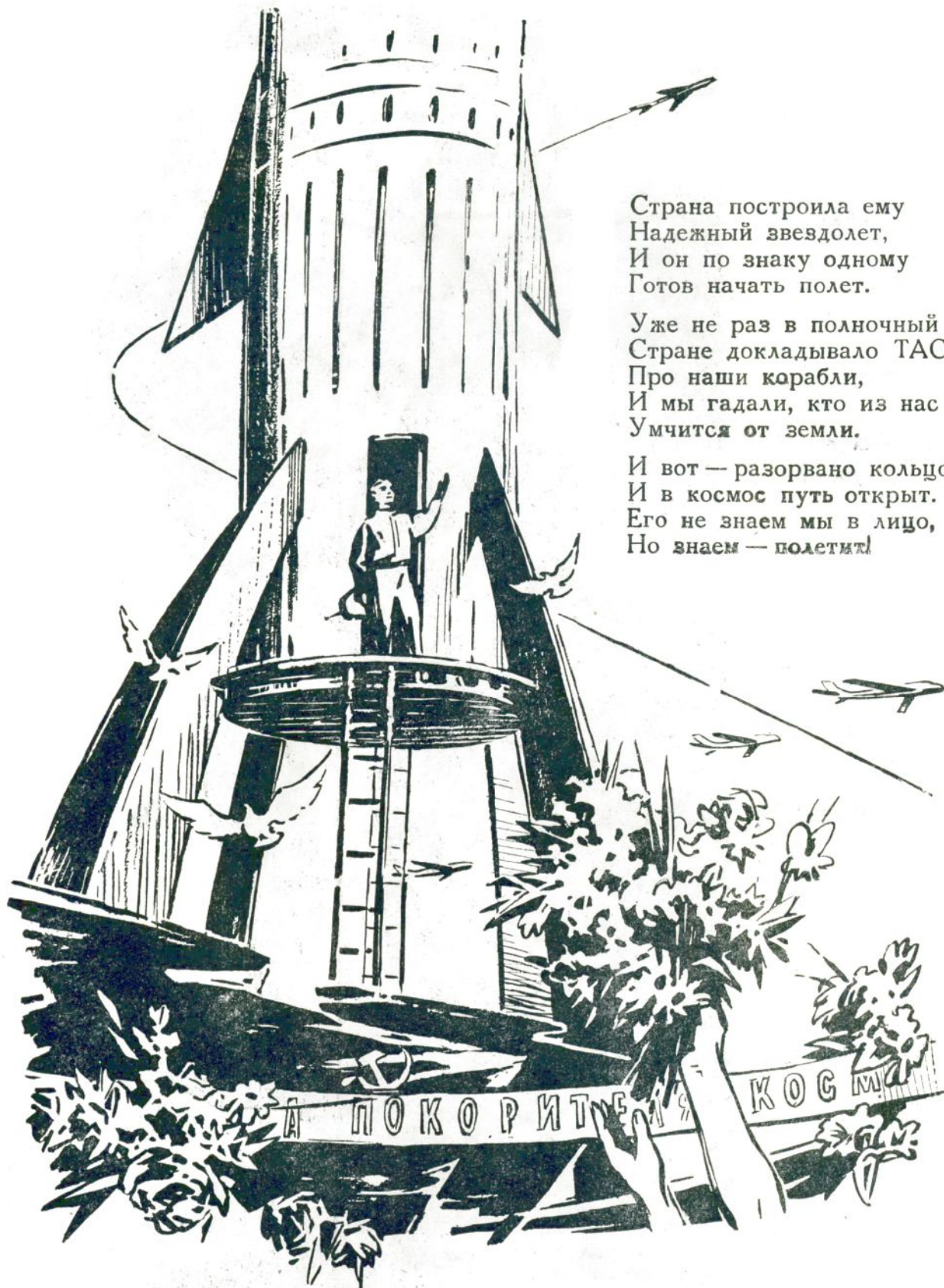
**СПОРТ**

На обложке рисунок Г. Ковенчука  
и М. Беломлинского

На титуле фото А. Ритова:  
лучшая пионервожатая Ленинграда  
Нина Белякова







Страна построила ему  
Надежный звездолет,  
И он по знаку одному  
Готов начать полет.

Уже не раз в полночный час  
Стране докладывало ТАСС  
Про наши корабли,  
И мы гадали, кто из нас  
Умчится от земли.

И вот — разорвано кольцо,  
И в космос путь открыт.  
Его не знаем мы в лицо,  
Но знаем — полетит!



# Олень на скале

М. Данини

Рисунки М. Беломлинского

Ничем Вовку не удивишь. Его можно только рассмешить, если показать, например, мустьерское скребло.

— Скребло... ха-ха, скребло! — скажет Вовка, и сам ты станешь смешным вместе со своим мудреным словом. Вовка может тебя так и прозвать: «Тохтансыд — скребло».

Ты можешь ему объяснить, что скребло — это нож первобытного человека, что ты нашел его в пещере, когда отрывали стоянку, что этому древнему ножу десятки тысяч лет, что какая-нибудь неандертальская женщина соскребала этим камнем мясо с костей животных, а Вовка возьмет в руки скребло, покидает его на ладони и скривится: «Хорошенький булыжник!»

Пусть тебя разбирает ярость, доказывая, сколько хочешь, что это кремень, который специально обтесали и заострили, сделали ложбинку для пальца... Вовке это безразлично. Он будет жевать ирис «кис-кис» и смотреть на тебя, как верблюд.

Для него чудес не существует. А вот Тохтансыду, наоборот, каждый черепок кажется разбитой амфорой, и всякую ислевшую кость он несет Ивану Парфеновичу, чтобы тот определил, чья она и сколько лет пролежала в земле.

Когда-то Тохтансыд предложил Вовке пойти к Ивану Парфеновичу домой, а Вовка только сощурился и переспросил:

— Как, как ты его назвал? Иван Парафинович?

И тут Тохтансыд не выдержал. Он обругал Вовку. Не по-узбекски, а по-русски обругал:

— Дурак! — сказал он Вовке. — И еще раз — дурак!

Вовке было все нишечем. Он на брань не реагировал.

А Тохтансыд разозлился сам на себя: этого слепоглухорожденного тащить к Ивану Парфеновичу! Пусть себе жует свои ириски и дохнет от скуки!

Кабинет Ивана Парфеновича — это и музей, и библиотека, и картинная галерея. Комната у него маленькая, но чего там только нет: и рисунки первобытных людей, перенятые на кальку, и древнее оружие, и сосуды, и камни,

и черепа. Повернуться негде. Можно только сидеть тихо и слушать Ивана Парфеновича.

Слушать пять-шесть часов подряд, пока Анна Ивановна не позовет из-за дверей:

— Иван Парфенович! Прими лекарство!

Иван Парфенович давно уже болен гипертонией. В прошлом году у него было два сердечных припадков. Анна Ивановна уговаривала его лечь в больницу, а об экспедиции и слышать не хотела.

Иван Парфенович долго убеждал жену, что в больнице ему станет только хуже, но вдруг согласился. Он попросил Анну Ивановну одеть его потеплее и ушел из дому. В ватнике, в теплых штанах и войлочной шляпе.

На следующий день жена принесла Ивану Парфеновичу передачу, но в приемном покое ей сказали, что такой больной не поступал. Услышав это, Анна Ивановна все поняла, заплакала и назвала своего мужа «старомодным комедиантом».

Теперь снова близилось лето, и ребята не знали: поедет Иван Парфенович в экспедицию или нет. Анна Ивановна очень строго выполняла все предписания врачей и не отпускала мужа в жаркие дни на улицу.

Не ехать в экспедицию... Что вы сказали бы, если бы вам предложили поменять лето на зиму или ослепнуть, оглохнуть и перестать дышать? Вот что означало для Тохтансыда остаться в городе.

Он сидел над длинным алгебраическим примером и думал о том, что завтра кончатся занятия в школе. В это время к нему пришел Вовка. Он навалился на стол животом, заглянул Тохтансыду в тетрадь и сказал:

— А-а, бросай! Все равно по ответу не сходится.

— Нет, — ответил Тохтансыд, — нет. Он продолжал решать. Вовка от нечего делать стал качать стол.

— Не-ре-стань, — тянул он.

— Отстань, — отвечал Тохтансыд.

— А я вчера видел жену этого вашего, ну, как его... Парфеныча, — лениво начал Вовка, но на всякий случай отодвинулся от Тохтансыда подальше... Тохтансыд пошевелил скулами и продолжал решать.





— Она к моей бабушке приходила... Они вместе в гимназии учились... Я ее спросил, поедете вы в экспедицию или нет...

Тохтансыд с силой бросил перо на стол, так что брызги разлетелись по тетради.

— Что ты натворил! — закричал он отчаянно.

— А что? — удивился Вовка.

— Зачем ты спросил? Сам Иван Парфенович с ней боится об этом заговорить!... Что она ответила?

— Она... она только спросила: «Разве готовы ехать в новую экспедицию?» Я сказал, что вы собираетесь в Бостандык. Ты же сам говорил...

Тут Тохтансыд схватил тибетейку и кинулся из комнаты. Вовка бежал сзади и спрашивал:

— А чего? Ну чего? Скажи...

Тохтансыд не отвечал. Так они промчались несколько улиц на рысях, и, только переходя площадь, замедлили бег.

Они вошли в маленький домик Ивана Парфеновича и очень почтительно поздоровались с Анной Ивановной, сидевшей в столовой.

Иван Парфенович и ребята склонились над картой. Шел тихий разговор:

— Вот Чирчик... Вот здесь... Скала. Ей до сих пор поклоняются. Она зовется священной. Именно на ней нашли рисунки, — Иван Парфенович откинулся от карты и оглядел ребят. — Эти рисунки не простые скифские козлики: рога — серпом, тело — черта, ножки — палочки. Не-ет! Это целые сценки из жизни

первобытных людей: охота, пляски, заклинания животных... И рисунки очень искусные. Они выбиты и обведены киноварью. А вот Клава нам скажет, что такое киноварь?

Клава сказала:

— Киноварь — краска, природная краска.

— Да, бывает и природная, — подтвердил Иван Парфенович. — Там, конечно, природная... Так вот, аспирант Султанбеков нашел пять рисунков на скале. А где есть пять, там и пятьдесят. Я уверен. И если мы их найдем, нас назовут «открывателями Бостандыкской картинной галереи», как называли Султанбекова... — Иван Парфенович усмехнулся. Ребята знали: он не любил всяких пышных слов.

Вовка оглядывал комнату. Его поразил череп, стоявший на стеллаже с книгами. Он дернул Тохтансыда за рукав и спросил:

— Почему здесь череп?

Тохтансыд не ответил, а Иван Парфенович поглядел на Вовку и улыбнулся:

— Этот череп мы с Клавой, Надей, с Кимом и Тохтансыдом добыли из кургана... Около него нашли золотые украшения и зеркало. Что еще там было, Ким?

— Остатки одежды и наконечник стрелы, — ответил Ким.

— Верно... Наконечник со свистулькой! — сказал Иван Парфенович. — Это был арабский курган эпохи ранней бронзы. Тогда делали наконечники со свистулькой, чтобы стрела летела со свистом, устрашающим противника.

— А куда вы дели золото? — спросил Вовка.

— Все в Музее Академии наук, в Институте материальной культуры. И череп тоже музейный. Нам он нужен только для исследований.

Вовка смотрел на череп не отрываясь. Иван Парфенович спросил его:

— Ты что, хочешь ехать с нами в экспедицию?

— Не знаю, — смутился Вовка. И тут за дверь послышался голос:

— Иван Парфенович! Лекарство...

Иван Парфенович пригнул голову, глянул на ребят исподлобья, будто говоря: «Попались!», и сказал громко:

— Аня, войди пожалуйста!

Анна Ивановна открыла дверь. Она стояла настороженная и суровая. Иван Парфенович поглядел на нее застенчиво и очень ласково начал:

— Аня, вот мы все здесь просим тебя... Не чини препятствий. Мы едем в Бостандык, и... пойми, пожалуйста, это же для меня не экспедиция, а прогулка! Ведь на горы я не полезу, переутомляться не стану...

— Я знаю, — холодно сказала Анна Ивановна, — но...



Ребята замерли.

— Ты не поедешь, — начала Анна Ивановна. Все охнули разом.

Анна Ивановна обвела всех глазами и кончила:

— Ты не можешь поехать... без меня!

И снова все охнули, а потом засмеялись и повскакали с мест. Клава хлопала в ладоши. Она кинулась к Анне Ивановне и обняла ее, потом залилась румянцем.

— Едем! Едем! — кричала Надя. — Чур я не маркировщиком! Кто на новенькую, тот пусть едет клеить марки.

— Ты старый «пан писарь», тебе и перо в руки, — басил Ким.

— Аня! — говорил Иван Парфенович, — тебе же будет тяжело! Ты никогда не ездила!..

— Но ведь это — прогулка? — улыбаясь, спросила Анна Ивановна.

В веселой суматохе записали и Вовку. Его определили, как говорила Надя, «на новенькую» — маркировщиком. Ему надо было клеить этикетки на ценные находки. Вовка боялся, что станет делать в журнале грамматические ошибки, но промолчал.

\* \* \*

Священная скала Бостандыка... Вот она: старая, потрескавшаяся, выветренная, с множеством уступов и террас. Внизу — мутный Чирчик. Мутный и холодный.



Экспедиция расположилась в небольшом ауле у скалы. Несколько палаток, навес над обеденным столом и дом, где живет Иван Парфенович с Анной Ивановной. Сюда приходят только вечером, а целый день ползают по скале, разглядывают ее, фотографируют в косом и прямом освещении, прилаживают к ней лестницы и веревки, моют ее, царапаются об нее.

Жара, духота, пыль, горячий камень... Глаза впиваются в каждую трещину, в каждый изгиб камня, ища в нем очертания рисунка, рука машинально обводит мелом то, что привиделось глазу, но получается не фигура человека, не животное, а какая-то бесформенная медуза, какая-то линия, похожая на географическую границу...

Нет рисунков на священной скале! Только те, что показал Иван Парфенович; те, что уже нашел Султанбеков...

С каким восторгом шли в первый день, как карабкались по уступам, забирались вверх, прыгали, смеялись. А теперь даже Тохтаныс чувствует себя усталым.

Вовка зол. Никогда еще не вовлекали его в такую нудную историю. Находок нет, так его заставляют мыть скалу! Можно ли придумать что-нибудь более нелепое? Мыть камни, таскать воду из Чирчика и тереть тряпкой ошибочную промелку. Уже пять тряпок истерто в клочки. Все ладони исцарапаны, а Тохтаныс лезет все выше и выше по скале и командует:

— Держи лесенку! Дай тряпку! Сотри! И Тохтаныс прижимается щекой к камню, глядит на скалу сбоку, ему кажется, что в этом освещении рисунок можно скорее увидеть, а Вовка думает, что Тохтаныс просто скоро спянит с ума и станет лизать скалу...

Нет! Эта работа не для Вовки. Он страдать не любит. Завтра же утром он пойдет на шоссе и остановит машину, идущую в Ташкент.

Опять кричат:

— Вова! Воды принеси!

Клава, Ким, Надя — им тоже никак не надоест ползать по уступам!

Ну, Клава пусть: она рисует общий вид скалы и ее окрестности. А Ким? Ему уже давно нечего снимать, а он встает до солнца и сидит возле скалы с фотоаппаратом. Когда Вовка однажды спросил его, чего он выжидает, Ким ответил загадочно:

— Ловлю освещение!

По вечерам Ким проявляет пленки и надеется, что на фотографиях вдруг обнаружатся рисунки, которых на глаз не увидишь. Он уверяет всех, что так бывает...



Вовке всё это осатанело, а пуще всего — мытье скалы. Сегодня он еще будет делать вид, что работает, а завтра — ищите-свищите...

Зато Иван Парфенович не унывает. Анна Ивановна повсюду ходит с ним и все время просит: «Раскрой зонтик! Уйди в тень!» Иван Парфенович послушно выполняет ее требования, а потом берет мел и, посмеиваясь, что-то рисует на скале. Посмотрят ребята, а там карикатура на Тохтансыда, который вплющивается в скалу: вихрастый, скуластый и неистовый.

И сразу все приободряются:

— Эта живопись не для научных журналов! — шутит Надя.

— За ошибочную промелку — три ведра воды из Чирчика! — смеется Тохтансыд.

...Но, конечно, воду таскает только Вовка. Одна радость: уйти вниз и посидеть у воды, полоща ноги и ладони в реке. И сейчас же сверху станут кричать:

— Где вода? Кто за водой пошел?

Каторга.

Для того, чтобы не обдирать руки, Вовка обмотал палочку тряпкой и возил ею по скале, смывая промелку. Сейчас он лениво окунул свою самодельную кисточку в воду, и струйки мела стекали вниз.

Скорее бы кончалось сегодня! Какая жарница! Дождей нет уже давным-давно. Вовка обмакнул тряпку в ведро, прижал ее к камню, и вдруг меловой поток повел себя как-то странно. Он остановился в круглой ложбинке и заполнил ее всю. Только посередине остался сухим ровный выпуклый овал. Вовка удивился и опять брызнул на стену своей «кисточкой». Снова вода остановилась... И тогда Вовка понял, что на него смотрит чей-то глаз: продолговатый, крупный глаз.

Он стоял над этим глазом несколько минут, потом нерешительно позвал:

— Тох... Тохтансыд! — И только он двинулся с места, как глаз исчез. Подмигнул — и исчез.

Когда Тохтансыд подошел, Вовка ползал на четвереньках, перебирая руками по скале, и прерывисто шептал:

— Потерял... потерял глаз...

Тохтансыд не понял:

— Посмотри на меня... Ты ушиб глаз?

Вовка зло отмахнулся, прижался щекой к скале, потом поднялся и стал смотреть сверху вниз, как первый раз. И тогда он прохрипел:

— Есть! — И с силой прижал палец к скале.

Тохтансыд впилился в скалу, прижался к ней, снова отстранился, и из горла его вырвался гортанный крик:

— Курасиз! Вот это да..., — зашептал он,

прищелкивая языком, и вдруг завопил: — Ребята!..

Вовка схватил мел и хотел обвести глаз, но Тохтансыд вырвал мел из его рук и сам обвел то место на скале, куда прижимался щекой.

Подбежали ребята. Они разглядывали глаз, радостно галдели, царапались о камни, но не замечали этого.

Когда подошел Иван Парфенович, глаз уже обвели и нашли несколько линий носа и лба оленя.

Иван Парфенович стоял над рисунком, который, несколько фантазируя, заканчивала Надя, стоял и молчал. Он был увлечен так же, как ребята. Особенно поражал его глаз: тонко выдолбленный, ровный, очень правильной, овальной формы.

Мускулистый, огромный красавец-олень мчался вверх, закинув рога и кося на кого-то глазом.

Иван Парфенович отошел на несколько шагов, потом взял мел и начертил едва заметную стрелу, которая впиалась в бок оленя.

— Кто — открыватель? — спросил Иван Парфенович.



Мы не выдумали эту историю о найденном и потерянном олене. Ее рассказал нам руководитель многих экспедиций по Узбекистану Гавриил Васильевич Парфенов.



— Вова. Он глаз заметил, — сказала Надя.  
— Тогда ему и доказывать, что рисунок существует, — сказал Иван Парфенович. В тот момент Вовка не понял, о чем он говорит. Это стало ясно гораздо позже...

Следом за оленем открыли несколько рисунков сразу: собаку, которую очень хорошо было видно без всякой промелки, верблюда, потом целую сцену охоты, где козла загоняли на вершину скалы, и он падал с нее.

Опять искали. Искали, обдирая кожу в кровь, так что Иван Парфенович шутил:

— Не стоит писать кровью на камне, а то другие исследователи примут ее за следы побища...

Дождей все так и не было. Иногда к горе приходили старые узбеки и кланялись ей, а потом изумленно смотрели на меловые рисунки, покрывшие гору. Это были старики, «молящие скалу дать дождь».

Как-то один из них подозвал Тохтансыда и заговорил с ним по-узбекски. Тохтансыд сдерживал улыбку, отвечая ему. Потом старик поднял руку и выкрикнул что-то. Тохтансыд отвернулся и засмеялся.

Когда старик ушел, ребята обступили Тохтансыда.

— Он сказал: гром будет на наши головы за то, что мы прикасаемся к священной скале. Гром будет на наши головы! — крикнул Тохтансыд и щелкнул Кима в лоб. Ким щелкнул Надю, Надя — Вовку, и через минуту все кидались сухими комками глины, брызгались водой из ведра и кричали: «Гром на твою голову!»

Это было веселое время, хотя стояла сорокаградусная жара.

Уже нашли больше ста рисунков — мелких и крупных. Вся скала покрылась сетью меловых штрихов. Пора было переводить рисунки на кальку, но хотелось искать еще и еще. Калькирование откладывали.

Иван Парфенович сердился:

— Не нужно рисовать на скале! Надо переводить рисунки, как они есть, прямо на кальку.

— Но ведь жаль, если мы не все найдем!

— Надо иметь кальки, а не рисунки на скале. Ученым нужны фотографии. Они не поверят ни Клавиным акварелям, ни вашим словам. Нужны точные кальки. Завтра же начинайте все калькировать. Старайтесь перевести без промелки.

— Но ведь оленя без промелки совсем не видно! — говорил Вовка.

— Значит, его не нужно переводить, — жестоко отвечал Иван Парфенович.

— Но как же не нужно, он самый красивый! — волновалась Клава.

— Он нарисован, как живой. Таких рисунков больше нет! — убеждал Вовка.

— Пусть Ким попробует найти освещение и снять оленя без промелки. Иначе нам не поверят ученые, — стоял на своем Иван Парфенович.

Ребята расстраивались, а Иван Парфенович улыбался:

— Дорогие мои археологи! Нельзя выдавать свои домыслы за истину. Наскальная живопись существует, если она видна глазу.

— Но ведь мы не выдумали оленя, вы же видели его! — обижались ребята.

Ох, как спорили они с Иваном Парфеновичем! Как сердились на него! Ким клялся, что встанет раньше всех и найдет такое освещение, когда олень будет виден отчетливо. Тогда он снимет его. Вова кипятился и просил дать ему перевести оленя на кальку.

\* \* \*

В тот вечер легли спать поздно. Спали мертвым сном в своих мешках под открытым небом — в палатках было очень душно. Спали,



И эти наскальные рисунки — подлинные. Нашли их ребята из города Фрунзе в окрестностях озера Иссык-Куль, где они путешествовали вместе со своим учителем Николаем Дмитриевичем Черкасовым.



пока ливень не промочил мешки. Поднимались, не понимая почему у них мокрые лица.

Пока бежали от дождя под навес, пока отряхивались, выжимали намокшее белье, стало светать. Ливень всех так взбудрил, что решили больше не ложиться, а быстро позавтракать и идти к скале.

Ели и смеялись, вспоминая, как Тохтансыд бормотал во сне:

— Откуда вода? Я весь в воде...

И тут подошла к столу Анна Ивановна. Она была, как всегда, спокойная, но озабоченно смотрела на ребят. Ребята поздоровались с ней и примолкли. Анна Ивановна спросила:

— Где Иван Парфенович?

— Он пошел к себе, Клаве кальку достает.

— Вы еще не ходили к скале? — спросила Анна Ивановна.

— Нет! — ответили ребята, — а что?

— Я сейчас гуляла... Ходила туда, — Анна Ивановна махнула рукой по направлению к Бостандыку и замолчала. Тохтансыд спросил:

— А почему вы беспокоитесь за Ивана Парфеновича? Ему было плохо? Да?

— Нет, Ивану Парфеновичу не хуже, чем обычно, — волнуясь, говорила Анна Ивановна, — но... Надя, подойди ко мне, — позвала она.

Надя подошла. Анна Ивановна что-то сказала ей. Надя схватилась за щеки и побежала.

— Куда ты? — кричал Тохтансыд. — Что случилось?

— Промелка! Скала! — крикнула Надя. И все кинулись за ней.

— Подождите! Я прошу... Не говорите пока Ивану Парфеновичу, — говорила Анна Ивановна. Но ребята не слушали ее. Они мчались к скале...

...И вот они стоят около скалы и смотрят на мутные потоки, которые стекают им под ноги.

Скала блестит, сверкает, но ни одной линии не видно на ней. Ливень смыл всё.

Вовка сорвался с места, полез на скалу. Он быстро вскарабкался на знакомый утес и припик к нему.

Он не мог найти даже глаз оленя...

— Иван Парфенович идет! — сказал Тохтансыд. Все обернулись.

Иван Парфенович шел под руку с Анной Ивановной. Ребята смотрели на них.

— Он шатается! — прошептала Надя.

— Деньги-то все израсходованы, а мы... ни одной кальки не привезем, — плачущим голосом сказала Клава.

— Молчи! — рассердился Тохтансыд. — Ивану Парфеновичу плохо. — И действительно все увидели, как Иван Парфенович пошатнулся. Тохтансыд побежал к нему навстречу. Иван Парфенович как-то согнулся, присел... Потом выпрямился, и все увидели его обычную усмешку. Он улыбался!

— В спешке ботинки не завязал! — сказал он. — Всё иду и спотыкаюсь. — Иван Парфенович поерошил волосы на голове Тохтансыда, поглядел на скалу и вздохнул:

— Ну, что? Грустите? А я вот кальку вам принес... Давайте переводить ваши рисунки... — он поглядел на скалу, где ползал Вовка. — Да, оленя уже не найти. Что подделать, — мираж, галлюцинация...

Тохтансыд смотрел на Ивана Парфеновича долго, радостно... Потом сорвался с места, запел какую-то узбекскую песню и кричал:

— Надя, Вовка! Дайте лесенку! Я собаку переведу. Ее легко найти. Она видна сразу. Калька где?

А Вовка все ползал по скале и искал олений глаз.

— Брось! — сказал ему Тохтансыд. — Переведем, что видно.

— А я найду! — зло сказал Вовка, но оступился, соскользнул с уступа, упал и сильно оцарапался. — Все равно найду! — захныкал он, высасывая кровь из пальца.

\* \* \*

Недавно в Ленинграде на ученом заседании демонстрировалось пятьдесят работ, привезенных из Узбекистана и Киргизии. Здесь были и рисунки Клавы, и фотографии Кима, и кальки Тохтансыда, Вовы и Нади. О них спорили, их толковали по-разному, датировали и рекомендовали к публикации. Среди рисунков были сцены охоты на козла, собака, верблюд и много других.

Только оленя не было. Он остался на скале. Вовка и Ким часто теперь совещаются о том, на какую пленку можно было бы снять оленя. Оба они собираются опять поехать в Бостандык, и бабушка уже подарила Вовке чудесный аппарат «Зоркий-3» с просветленной оптикой. Точнее, она просто добавила некоторую сумму к той, которую Вовка заработал в экспедиции.

Этим аппаратом, как говорит Ким, можно снять тончайшие извилины камня. На будущий год они с Вовкой поедут и «высидят» нужное освещение, снимут оленя и докажут всем, что он существует.







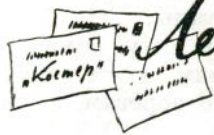




Выход найден! Не беда,  
Что холодная вода.

Рисунок И. Харкевича





Ленинград — «Костер»

# кто ПРАВ?

*Уважаемая редакция!*

Мы учимся в пятом классе Сидоровской средней школы Романовского района Алтайского края. У нас много товарищей. Мы хотим вам рассказать о Маше Власовой.

Учится она на круглые пятерки. Но Маша нечестная. Каждый раз дает обещания и не выполняет. Вот, например, она сказала: «Клянусь Советскому Союзу — не буду играть с Клавой Тихоновой». А через несколько дней снова видим их вместе.

Мы не против: пусть дружат. Только зачем такими словами клясться? А то дает «честное ленинское слово», «честное пионерское» и опять не сдерживает.

Мы говорим Маше, что она поступает нехорошо, но Маша не обращает на это внимания... Кто же из нас прав?

*Регина Степанова, Люба Владимировна, Тамара Корсакова,  
Шура Камчатова.*

**Дорогие друзья!**

**Вам отвечают: комиссар милиции в отставке,  
генерал Иван Владимирович Соловьев  
и писатель Лев Васильевич Успенский**

## ЦЕНА СЛОВА



И партийный устав и воинская присяга не содержат высокопарных, выпяченных слов. Вы можете еще этого не знать, ребята, но зато вы знаете торжественное обещание пионеров.

И оно, это обещание, просто и лаконично:

«Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю:

горячо любить свою Советскую Родину,  
жить, учиться и бороться так, как завещал великий Ленин...»

Это очень значительные для вас, ребята, слова. Произнося их, вы должны стараться всеми силами делать так, как сказали.

А Маша «клянется Советскому Союзу»...

В чем? В том, что «не будет дружить». Да еще слово свое не сдерживает. И попросту сказать: бросается Маша словами, болтает зря...

Я, признаться, всю жизнь любил людей, которые умели молчать. Это осталось с тех времен, когда я служил на границе, в Молдавии. Наши пограничники были так немногословны, что про них рассказывали: встанет утром



красноармеец Петров, выглянет в окно, скажет:

— Дождь...

А красноармеец Иванов посмотрит в окно и промолчит. Вечером ложатся спать, и тут Иванов отзовется.

— Идет, черт! — И никто в команде не удивится, потому что все еще помнят, что Петров утром сказал.

Сами над собой посмеиваясь, говорили мои ребята так:

«В дозоре — молчи, спишь — молчи, и когда ешь — лучше молчи, а то подавишься». Конечно, это шутка, но... зато слово их было весомо. Скажут: «Есть!» — так и сделают.

В сорок первом году мы стояли на Скулени, охраняя границу. Тяжелого оружия у нас не было, как положено в пограничных войсках. И людей немного — точно по уставу. А немцы наступали легкопанцирной танковой дивизией.

Нам приказали отступить. Пока основные части отходили, несколько человек осталось охранять мост. Отстреливались. Потом взор-

вали мост и отошли. А другой мост не успели взорвать — захватили его немцы.

Отошли мы километров на пять, а настроение у всех тяжелое: открыли мост, значит, двигается немец прямо по дорогам, своими танками грома наши войска...

И тут заговорили мои молчаливники. Сказали:

— Надо уничтожить мост!

А как? Подкрасться незаметно? Нельзя. Кругом недоступные места. И тогда сказали ребята:

— Можно с боем ворваться на мост и взорвать его вместе с собой.

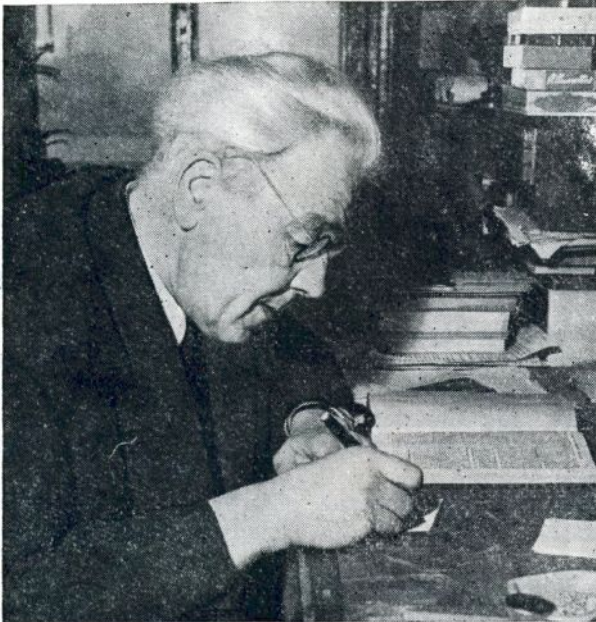
И на вопрос, кто это делает, все шагнули вперед. Тянули жребий. Тринадцать человек пошли под командой Ивана Булгакова.

Взорвали мост и погибли. Все тринадцать.

Уже посмертно им было присвоено звание Героев Советского Союза.

Вот как держали слово. И клятв не произносили.

## КЛЯНУСЬ БОРОДОЙ ПРОРОКА



Откуда взялись на свете слова «клятва», «клясться»?

Как ни удивительно, ученые с большим затруднением отвечают на этот вопрос. Гадают так и эдак, а точного ответа не находят.

О чем это говорит? Только об одном: обычай присягать, подтверждать свои обещания словами особенными, «клятвенными» — видимо, очень древен, так древен, что самые истоки его теряются в даях нашей истории. Давно забылись и те родственные слова, от которых отпочковалось некогда слово «клятва» и самый корень «кл», звучащий в нем.

И верно: было время — очень давнее время — когда предки наши считали каждое слово маленьким чудом. Древние люди верили: слово, прозвучав, способно вызвать того, кто им называется. Слово, без помощи рук или оружия, может убить человека на расстоянии. Умело сказанное слово, надлежащим образом пропетое заклинание могут вызвать дождь на безоблачном небе, бурю в безветренный день... Про-КЛ-ятие убивает. За-КЛ-инание совершает перемены в мире... Видите, и тут и там перед нами тот же самый корень — «КЛ-»: он издревле означал волшебную, колдовскую силу слова.

Среди слов с этим корнем нас особенно интересует сегодня слово «КЛ-ятва». Что такое «клятва»? По понятиям древних людей, людей полудиких, это такое могучее слово, которое, будучи раз произнесено, как бы заряжается страшной силой, способной воздействовать на того человека, в чьих устах оно прозвучало.



Это самое могучее из всех слов, чаще всего — имя бога, иногда — имя грозного демона: его нельзя безнаказанно выговаривать, нельзя произносить рядом со словами лживыми и неверными: таинственная сила обратится на лжеца и испепелит его на месте, или, наоборот, как бы отравив медленным ядом, заставит погибнуть много времени спустя.

И, тем не менее, клятву нарушали. В Ленинграде, в Эрмитаже, хранятся забавные клинописные «клятвенные записи» древних вавилонян. Уходя с караваном в другие страны, вавилонский купец давал богу клятву: если будет удача, заплатить за нее жрецам. Никто не знал, чем именно купец заплатит: клятвенная табличка пряталась в глиняный ящичек, его полагалось разбить лишь в момент расчета, по возвращении.

До нас дошли такие нераспечатанные ящички-конверты. Ученые раскрывают их. И — что же? Во многих, вместо обещания, — насмешки над богами, невежливые выражения, а то и просто ругань... Вавилоняне любили клясться, но не стеснялись и нарушать клятвы...

Но ведь мы — не древние люди, мы не полудикари каменного века, не варвары ассирийских времен. Мы — люди, стоящие на пороге коммунизма. У нас понятия чести, гордости за свое слово так высоки, что клятвы нам не нужны.

Ведь теперь никто не думает, что если он скажет «клянусь бородой пророка» и соврет, то пророк придет и задаст ему перцу. Но каждый понимает (или должен понимать), что к тому, кто раз, два, три обманывает своих близких, устанавливается презрительное отношение — и это куда страшнее пророка и его никогда не имевшей силы бороды.

Советский человек должен вести себя так, чтобы никто ни на миг не смел сомневаться в незыблемой правде его слов. Он должен с негодованием отвергать всякое требование клятвы, божбы, всевозможных обетов по пустякам, да и в серьезных случаях ограничиваться спокойным, веским словом.

Я думаю, что девочка Маша нехорошо делает, когда не держит слова, если это слово дано всерьез. Но еще хуже то, что она «клянется, божится и землю ест» так просто, от нечего делать. Что она, верует в вавилонских богов? Бьется «бороды пророка»? Или она добилась такого горького положения, когда без «клятвы» никто не верит ее слову?

Нехорошо. Клянусь печенкой Лернейской гидры — очень плохо! Пусть разразит меня гром — нехорошо. Честное стариковское слово — просто глупо.

И клясться, и не сдерживать обещания, и сдерживать глупые клятвы («Клянусь не играть в прятки с Клавой!») — стыдно. Не достойно советских людей. Согласны?





# СКОЛЬКО СТОИТ ДОЛГ

*Р. Погодин      Рисунки В. Орлова*

Шла домой дневная смена. Вечерняя спешила к рабочим местам. В столовой поселка толпились любители гуляшей и бифштексов. Здешние жители никогда не жаловались на аппетит, и если услышишь от человека: «Я что-то есть не хочу», — значит, у него просто нет денег.

В «Красных уголках» общежитий уже хрипели капризные радиолы. В белые ванны семейных квартир ударили горячие струи воды. Кто почитал сон за высшее благо, уже поглядывал на свою постель, готовясь, как здесь говорят, придавить подушку.

В этот срединный час в поселке появился мальчишка.

Его мохнатая шапка словно выскочила из собачьей драки и еще не успелализать ран. Ватник с желтым нерпячим воротником в крапинку был застегнут на четыре шербатых пуговицы от дамского пальто. Громадные рыбацкие сапоги-бахилы доходили мальчишке до самых пахов. Он будто оседлал их и ехал по грязи верхом не спеша, доверив бахилам свою судьбу. Сырой клейкий ветер отполировал мальчишкины щеки до красного блеска.

Под тяжелыми сапогами верещала и чмокала грязь. Иногда она выстреливала выше мальчишкиной головы, обдав его лицо брызгами. Мальчишка останавливался, вытирал лицо ладошкой, бормотал: «Вот, лешой, куда порснула», — потом шел дальше.



Земля здесь глухая. Скалы. Искалеченные морозом деревья жмутся друг к другу. Они не скрипят на ветру, не жалуются. Они молчаливы, упрямы и тверды. Полярное море расстилает в сопках мокрые паруса-туманы.

Льды. Ночь. Синий снег.

Люди с тоскливой душой не выдерживают здесь больше года. Сердце у них осклизнет от дождей, сморщится от мороза, от страха. Позабыв честь, позабыв товарищей, бегут они назад, к городам, где стены оклеены обоями в сто слоев. Но речь пойдет не о них. Речь пойдет о веселых парнях и девчатах. О хорошей погоде и мальчишке Павлухе.

\* \* \*

Был конец мая. Ночь улетела к другому полюсу. День утвердился на этой земле.



Первым увидел странного парнишку экскаваторщик Ромка Панкевич. Правда, Ромкой его уже мало кто называет. Неприлично называть женатого человека Ромкой, хоть ты и учился с ним вместе в ремесленном, вместе копил деньги на первый шерстяной костюм, спал в палатке на одной кровати, укрываясь двумя одеялами и двумя ватниками. Совсем скоро Роман Панкевич закончит Всесоюзный индустриальный институт и все станут называть его Роман Адамович.

Роман посмотрел на парнишку просто из любопытства.

Зачем он пришел сюда?

По усталому лицу, по ногам, которые едва двигались, Роман догадался, что пришел мальчишка издалека. По глазам, которые светились упрямо, по суровой морщинке между бровями Роман догадался, что мальчишка готов идти еще столько же.

Далекое воспоминание кольнуло Романа. Ему показалось вдруг, что это он сам, мокрый и голодный, бредет по грязи в неизвестную свою жизнь. Роман потряс головой. Сказал:

— Кыш, рассыпся.

Мальчишка остановился.

— Ты что, выпимши? — прохрипел из-под косматой шапки простуженный голос. — Как тут к начальству пройти?

— К начальству ходят ногами, — сказал Роман. — И, заметь, очень редко по собственному желанию.

Роман, вероятно, думал совсем о другом, потому что спустился с крыльца в грязь, не пожалев начищенных ботинок. Он долго рассматривал незнакомца, потирая при этом синюю бритую щеку.

Тяжелые бахилы передвинулись на два шага вперед.

— Не можешь сказать, тогда не заслоняй дорогу, — сердито проворчал их хозяин.

Голос у мальчишки был глухой, за упрямым блеском глаз притаились испуг и тревога. Роману было очень знакомо все это. Роман не сошел с дороги. Он сказал:

— Ты не гуди, я ведь тебя и в милицию отправить могу. Там тебя, наверно, ждут не дождутся.

Роман ждал, как ответит мальчишка на его слова. Но бахилы продолжали двигаться, а мальчишкины глаза ничуть не изменили своего выражения. Тогда Роман ухватил мальчишку за нерпячий воротник, вытащил из грязи вместе с бахилами, поставил на приступочку возле дома. Сказал:

— Потолкуем. Какое у тебя к начальству дело?

— Не хватай! — брыкался мальчишка. — Ворот оторвешь... П-пусти, говорю!

Роман втолкнул мальчишку в сени, прижал его к батарее парового отопления.

— Пооттай немножко, потом дальше пойдем. Может, и доберемся с тобой до начальства.

Сложением Роман был под стать своей машине — шестикубовому экскаватору. Под фланелевой курткой булыжниками громоздились мускулы. Глаза большие, густой синевы и как будто граненые.

— Ты не имеешь полного права меня задерживать, — сказал мальчишка.

— А ты не имеешь полного права разгуливать в погранзоне. Покажи документы! — сказал Роман.

Мальчишка выставил вперед один бахил, постукал носком по полу.

— Ха, — сказал он. — Умный нашелся. Перво ты мне свои документы представь.

Мальчишка отчаянно окал и заикался.

Роман шлепнул его по косматой шапке. Чтобы рассеять взаимные подозрения, он взял мальчишку одной рукой за ватник, чуть пониже воротника, другой рукой за штаны, чуть пониже ватника, и понес на второй этаж.

Мальчишка бил экскаваторщика кулаками по ногам. Задевал бахилами железные стойки перил. Перила гудели. Мальчишка вопил:

— Пусты, тебе сказано!

Роман встряхивал его, утешая.

— Будет, ну будет уже. Ровно маленький. На площадке второго этажа Роман ногой постучал в дверь и, когда она отворилась, затасил мальчишку в квартиру.

— Аня, смотри, чего я принес, — сказал он маленькой перепуганной женщине. — Как тебя зовут-то, хоть скажи.

— Ну, Павлуха. Чего вы пристали?

Аня поморщилась.

— Ты его в комнату не тащи, пожалуйста. Грязь с него ручьями течет. — Она подошла к Павлухе, бесцеремонно взяла его за подбородок и повернула к свету.

Павлуха нацелился было боднуть ее головой в живот и тут же отлетел в угол, загремев пудовыми сапожищами.

— Ты Аню не тронь, — сказал Роман. — Мы сейчас сына ждем. Поэтому ты с Аней воевать и не думай. Сними свою робу, я ее потом в сушилку отнесу.

Аня поморщилась, вопросительно глянула на мужа.

Роман снял лыжную куртку, засучил рукава ковбойки в красную клетку.

Павлуха покосился на его руки, вздохнул.

— Силу-то накопил...



— Накопил, — согласился Роман. — Аня, сходи, пожалуйста, позови Зину. Я его тут постерегу.

— Ты зачем его к нам привел? — недовольно сказала Аня. — Грубит еще. В милицию его нужно. Может, он жулик.

— Позови Зину, — негромко повторил Роман.

Аня накинула на плечи пуховый платок и вышла, недружелюбно глянув на Павлуху.

— Зря уходишь, — сказал ей вслед Павлуха. — Гляди, уворую у тебя тут все...

— Ты не бухти. Ты ватник снимай, — командовал Роман. — Давай, давай, Павлуха, пошевельвайся... Наследили мы тут с тобой. — Роман принес тряпку, подтер пол и потащил Павлуху на кухню, к столу, покрытому голубой клеенкой.

— А что ты мной командуешь?! — крикнул Павлуха со злостью. — Что я тебе, сродственник, что ли?

— Сродственник, — спокойно подтвердил Роман. — Садись вот, на табуретку. Выкладывай, откуда удрал?

— Да не удрал я. Куда сейчас удерешь — милиция-то зачем? Фигу сейчас удерешь... Я тутошний. Трещаковский район знаешь? Отудова я, из колхоза.

Павлуха уселся на табуретку, нахально выставил перед собой ноги в бахилах. Без ватника и шапки Павлуха казался похудее, повыше и младше — лет тринадцати. Только озабоченный взгляд да складочки возле носа накидывали ему еще пару лет.

Роман спросил:

— Мать есть?

— Понятно, есть. Я не из сиротства сюда пришел.

— Отец?

Павлуха засопел, забурлил носом. Заикался он сильно. Когда непослушные буквы налипали на его язык свинцовыми грузилами, он мотал головой, словно хотел вытряхнуть их изо рта.

— Про б-батьку спрашиваешь?.. Сейчас б-батьки нету...

Павлуха замолчал. Он смотрел на стены, на занавески, на новые чистенькие кастрюли. Глаза его то угасали, заволакивались дремой, то вспыхивали вдруг темным блеском. Тогда Павлуха вздрагивал, отворачивал голову к окну и напряженно сплющивал губы.

Роман поставил чайник на керогаз, достал из буфета две кружки, хлеб, колбасу и сахар.

— Садись, подзаправься. Сейчас Зина придет. Она комсомольский секретарь. Ты ведь только с начальством желаешь разговаривать?

Павлуха покосился на еду. Шея у него дрогнула, губы сплющились еще сильнее.

— Ешь, — сказал Роман. — Небось, в желудке у тебя, как в стратосфере.

Павлуха опять покосился на еду. Спросил шепотом:

— А ты кто?

— Экскаваторщик.

— Это не твой экскаватор в карьере стоит?

— Мой.

— Я так и подумал. Громадная штука. Танк она, пожалуй, переборет, а? Если не стрелявши... — Павлуха задержал свой взгляд на колбасе, подтянул ноги поближе к табурету, насколько смог.

— В Трещакове теперь тоже колбасу продают. А раньше не привозили. Только рыбные консервы. А зачем нам рыбные консервы, если мы рыбацкий колхоз? У нас и свежей рыбы хватает...

Роман отрезал ломоть хлеба, накрыл его толстым пластом холодного масла, придавил сверху сочными колбасными кругляшами.

— Рубай.

Павлуха взял бутерброд вежливо, даже мизинец оттопырил для деликатности. Втянул носом острый чесноковый дух. Потом сказал:

— Слушай, давай я тебе лучше все расскажу, а ты уж этой, секретарше. Не люблю я, когда мне мораль объясняют. Я, слушай, злой.

— Ты ешь... — Роман налил в кружку чай крепкой заварки, опустил в него четыре куска сахара и пододвинул Павлухе.

Павлуха жевал и рассказывал:

— Живем мы в Трещаковском районе. Отсюда километров сто, а может, и поболее. Я-то полдороги на машине ехал. Если б ногами, я бы тебе точнее сказал. Колхоз рыбой





занимается. Промышляет селедку, треску, кету, зубатку, палтуса. Едал палтуса? Ровно колбаса, правда? Матерь моя в колхозе состоит. Сети починяет, поплавки ладит. Раньше, когда у нас рыбозавода не было, она за-сольщицей работала. Сейчас по мелочи. На промысел в колхозе, известно, мужики ходят — дело мужчинское. На сейнерах, на карбасах. А женщины, те, известно, в дому. Иногда кое-что помогают, когда рыба большая идет. А у нашей матери нас трое. Нас одеть нужно... — Павлуха проглотил кусок колбасы и прибавил со вздохом: — А мы, младшему седьмой пошел, мы, понимаешь, поесть очень способные. Известно, как сядем за стол, крошки после нас не найдешь. У нас в дому



даже мухи не водятся. Говорят, у нас аппетит от климата. Воздух тут редкий. Не замечал? — Павлуха взял другой бутерброд. Мизинец у него по-прежнему торчал в сторону. Говорить он стал медленнее, часто останавливался, — наверно, подошел к самому главному в своем рассказе.

— Сейчас у матери от ревматизма руки большие. Перевел ее председатель на техническую должность — правление убирать, пакеты разносить. Матерь-то ночью плакала. В старухи, говорит, меня зачислили... Я тогда пошел к председателю, потребовал: ставь меня в бригаду на промысел. Я член колхоза или не член колхоза?! Он говорит: «Павлуха, нету такого закона, чтобы тебя на промысел посылать. Годов тебе мало. Это, — говорит, — не картошку копать. В судовую роль, мол, тебя не запишут». Я тогда осердился, закричал: «Зачисляй, козлиная борода, а то матерь моя совсем заболит!..» Он меня турнул из конторы... Он, председатель, еще с материним отцом рыбачил. Раскричался: «Ты, — говорит, — еще икра несоленая, салага косопузая. Матерь мы по путевке в санаторию послать можем. А насчет промысла у тебя, — говорит, — еще сопли жидкие...»

Роман слушал Павлуху, хмурил лоб и подергивал тяжелым плечом. Потом спохватился, сделал Павлухе бутербродов.

— Рубай, рубай. Не торопись только.

Павлуха позабыл приличие, забрал бутерброд в кулак и впился в него зубами.

— Я тогда в Трещаково пошел к председателю райисполкома. Анной Трофимовной ее зовут. Зубарева она. Говорю ей: «Чуркин — бюрократ проклятый, напишите ему насчет меня бумагу». Ейные сыновья в войну в Рыбачьем погибли, вроде должна она мне посодействовать. А она походила по кабинету и говорит: «Могу, — говорит, — я тебя, Павлуха, в Мурманск в школу-интернат определить, а насчет работы — стоп машина. Интернат, — говорит, — новая форма социал...л...листического воспитания. Будешь, ты, говорит, Павлуха, человеком. А мамке твоей по общественной линии поможем». Я ее,



знаешь, очень уважаю, Анну Трофимовну. Но я ей категорически сказал, что я и без ейного интерната человек... Мамка, известно, заплакала, когда про все узнала. Говорит: «Зачем ты придумал меня позорить? Еда есть, одежонка есть — перебьемся. А на работу через два года пойдешь. Подумают, я тебя силком гоню...» — Павлуха перестал жевать, отхлебнул остывшего чаю, наклонился к Роману и зашептал:

— А я тебе насчет мамки скажу. Она ложку и ту кулаком держит. А чтобы иголку взять, малому чулки заштопать — пальцы у нее не сжимаются. Верка, сестренка, все эти дела делает. Одиннадцать лет нашей Верке... Мать-то про болезнь скрывает. Ей, слышишь, обидно. Гордая она. — Павлуха наклонился к Роману еще ближе. Прошептал совсем тихо:

— Я тебе еще про мамку скажу. Она молодая. Она через нас состарилась. Понял?.. —

Скрипнула под Павлухой табуретка. Павлуха выпрямился, помолчал, значительно покачивая головой. Потом посмотрел на свои негнущиеся сапоги и сказал с удивлением:

— А сапоги эти мне председатель дал, Чуркин. Они ему без надобности. У него все равно на правой ноге протез.

Роман тоже глянул на Павлухины сапоги. Хорошие сапоги, крепкие. Мужская обувь.

— Батька твой где? — спросил он глухо. — Куда батька делься?

— Батька-то? А шут его знает. Он из вербованных. Чуркин говорит, нестойкий народ они — акулы, живоглоты. Чуркин говорит, что у некоторых вербовка вроде как специальность. Они за что хочешь возьмутся, лишь бы деньгу зашибить. Они за деньгой едут... В Трещакове рыбзавод строили, потом склады из пенобетона. Когда работа кончилась, предложили батьке в колхоз вступить. У нас мужики хорошо зарабатывают. Работа, извест-





но, рыбацкая — опасная. Батяка тогда сказал: «Съезжу на родину в город Колпинск». Это под Ленинградом такой город есть.

— Колпино, — поправил Павлуху Роман.

— Ага... Он туда и поехал. Потом мамке письмо прислал. Объяснял на шести страницах, будто соскучился по перемене мест. Дескать, он романтик, тягу имеет к неизвестным просторам... Говорили люди, что он на Камчатку подался.

Павлуха рассказывал все обстоятельно, не стыдясь, не лукавя. Значит, не прятала мать своей беды от ребят и не было, видно, в колхозе людей, которым чужая беда на потеху.

Когда в комнату вошла Аня, а следом за ней высокая девушка в короткой шубейке и несколько парней в ватниках, Павлуха опустил глаза в пол. Повозился на табуретке и смолк.

Роман встал, кивнул на Павлуху.

— Вот, Павлуха. Он к нам на работу при-

винтил. Парень — гвоздь с острием и шляпкой.

Пришедшие рассматривали Павлухины сапоги. Девушка растегнула шубейку, села за стол и посмотрела на Павлуху шершавым взглядом. Наверное, Аня наговорила ей что-нибудь по дороге. Потом она сказала:

— Выкладывай.

Павлуха мотнул головой.

— Н-не б-буду... Документы могу показать, а г-говорить не буду. — Он вытащил из кармана метрическое свидетельство и справку об окончании шестого класса неполной средней школы.

Девушку в шубейке звали Зиной. Роман подмигнул ей: мол, не нужно тормозить парнишку. Девушка повертела Павлухины документы в руках и зачем-то спрятала их в карман под шубу.

— Я думаю, насчет работы сейчас и заикаться не следует, — сказала она.

— Я не потому заикаюсь, — угрюмо ответил Павлуха. — Это меня медведь лизал.

Зина уставилась на Павлуху. Парни, что пришли вместе с ней, захохотали стульями, уселись вокруг стола и расставили локти. Даже Аня присела на подоконник.

— То есть как это медведь лизал? — спросила Аня.

— Известно как, языком.

Роман стоял у стены, сложив на груди здоровенные руки. Он смотрел в окно и улыбался чему-то с задумчивой грустью.

Павлуха сиротливо ежился на табуретке. Если бы не громадные бахилы, был бы Павлуха похож на обыкновенного перепуганного мальчишку, который тщится скрыть свой страх и растерянность под воинственно насупленными бровями.

— Что вы на меня уставились? — вдруг почти крикнул Павлуха. — Сидят тут и смотрят. Что я вам, ископаемый, что ли?

Ребята-комсомольцы пошире расставили локти. Секретарь Зина положила в рот кусочек сахара. Аня, Романова жена, попросила:

— Ты расскажи про медведя-то, интересно ведь. — В ее голосе было столько простодушного любопытства и недоумения, что Павлухины брови сами собой разошлись.

— За рассказ деньги платят, — пробормотал он и покосился через плечо на Романа.

— Рассказывать, что ли?

— Валяй, — сказал Роман. — Это свои ребята.

Павлуха немного пошлепал губами, потряс головой, выталкивая изо рта первые упрямые буквы, и начал со слова «известно».





Должно быть, слово это легче всего пролезало сквозь Павлухины непослушные губы.

— Известно, я маленький был. Тогда наши колхозные... это... женщины брусничкой подрабатывали. Идут в лес целой артелью ягоду обирать. Совок такой есть, деревянный с зубьями. Совком ягод пуда три набрать можно. Мать меня с собой брала. Посадит под куст на платок, а сама ходит вокруг, ягоду обирает. Однажды, говорит, подошла к кусту меня проведать, а там медведь меня лижет. Я, известно, уже наполовину задохся. Вонючий у него дух изо рта. Говорили, луплю его по морде кулаками, а он только пофыркивает. Ему интересно со мной побаловаться. Он, говорят, даже лапой меня пошевеливал, чтобы я побойчее брыкался. Мать, как увидела, так и зашлась не своим голосом. Медведь, известно, бабьего визга не переносит. Заревел он на мою мать, чтобы она, стало быть, замолчала. А она все ягоды, что в корзине были, ему в морду швырк, и еще пуше визжит. Тут остальные бабы набежали, думали — змея, а как увидели медведя, такой концерт подняли! У нас ба... ба... — Павлуха покосился на Аню, на Зину и сказал: — У нас женщины лютые, известно, рыбачки. Ихнего визгу даже белый медведь боится. Рыбаки говорят, тонет он сразу от ихнего шума. Медведь, конечно, в кусты скакнул... Только я не от него заикаться начал.

— Как это не от него? — сказала Аня. — У меня бы сразу разрыв сердца. — Аня замурилась и потрясла головой.

— Если бы я поболее был. А то маленький. Мне что медведь, что корова. Когда мамка стала плакать, тогда и я заревел. А после меня медведем дразнили. Выйду на улицу, мальчишки сразу кричат: «Павлуха, медведь-от, сзади!» Говорят, я шибко вздрагивал. Потом поотвыкли. Мальчишкам матери уши надрали. А некоторые сами сообразили... Один раз батька по бюллетеню ходил, чирь у него сидел на шее, что ли. Я разревелся тогда. Батька и так и сяк, и ругал меня, и шлепал: я только громче реву. Тогда батька пошел в сени, взял там полушубок, выворотил его шерстью наверх и, значит, в комнату ползет на четвереньках и ревет по-медвежьему... Вот оно тогда и получилось. Говорят, я в обмороке лежал. А потом, это, заикаться стал.

Парни-комсомольцы сидели вокруг стола, морщили лбы да шурились — что в таком случае скажешь? Зина-секретарь крутила на крышке чайника пластмассовую пупышку-ручку.

— Я бы такого уroda поленом, — всхлинула на подоконнике Аня.

Роман надел свою лыжную куртку, сказал ребятам:

— Пошли, потолковать нужно. Аня, пусть Павлуха у нас побудет.

— Пусть, — сказала Аня.

...Решение комсомольцы вынесли такое — оставить Павлуху на стройке до осени. Осенью определить его в школу-интернат. Брать его на каникулы, пусть к работе привыкает, специальность себе выберет. Зина-секретарь постукивала карандашом по ладошке, говорила:

— Правильно это, но...

А когда ребята уже подобрали Павлухе работу ученика-монтажника на обогатительной фабрике, Зина открыла ящик своего стола и вытащила оттуда книгу с четырьмя крупными буквами на заглавном листе — «КЗОТ» — Кодекс законов о труде. В книге было черным по белому написано, что детский труд в СССР запрещен законом. Можно работать только с шестнадцати лет и то по пяти часов в день первое время.

— Вот, — сказала Зина. — Трудно нам будет с Павлухой.

— В постройком пойдем, — сказали ребята.

На следующий день Роман отправился в постройком. Роман знал в поселке каждого. И его знали тоже.

— Здравствуй, Игорь, — сказал Роман председателю постройкома.

— Здорово, Роман, — ответил ему председатель. — По делам пришел или так? Садись.

Роман сел прямо за стол к председателю. Были они почти одного роста. Только лицо у председателя, может быть, малость помягче, выражение глаз не такое уверенное. Председатель недавно заступил на свою выборную должность. Он еще стеснялся своего новенького стола и отутюженного пиджака.

Роман начал разговор с подхода:

— Мы с тобой товарищи?

— Чего спрашиваешь?

— Помнишь, как мы рудник от наводнения спасали?

— Ну.

— Это ведь ты тогда несработавшие запалы во взрывчатке менял?

— Слушай, Роман, скажи лучше сразу: зачем пришел?

— Вот я и говорю: запалы мы менять умеем... Помнишь, как Зину ножиком хулиганы порезали?... — Роман положил на стол кулачищи. — Это ведь мы их судили... Всё здесь, на нашей совести... — Потом Роман посмотрел председателю в глаза и выложил все, что знал про Павлуху.



— Ты как председатель стройкома что можешь ответить? Мальчишке четырнадцать лет.

— Роман, не бери за горло, — сказал председатель. Он не стал говорить дальше. Он положил перед Романом книгу с четырьмя буквами на заглавном листе — «КЗОТ».

И тогда Роман произнес речь. Он говорил, что довольно стыдно прослыть бюрократом, но еще противнее, когда люди прячут свою лень и свою холодную кровь за хорошим законом. Роман разошелся, даже начал кричать. Он махал кулаками и кричал, что плюет на всех вялых отличников с дневниками, распухшими от пятерок, если им нет дела до людей, недосыпающих по ночам. Если матери большими руками стирают их пионерские галстуки. Что значат все эти красавчики перед Павлухой? Потом Роман спросил:

— Слушай, Игорь, может быть, Павлуха и есть главный шкет Советского Союза? Может быть, правы наши отцы, когда гордятся, что начали вкалывать с четырнадцати лет и успевали учиться в фабзавучах и на рабфаках?

Председатель восхищенно смотрел на Романа. Может быть, он хотел пожать ему руку, может быть, хотел хлопнуть его по спине и сказать: «Ромка, правда твоя». Но вместо этого он растерянно произнес:

— Не могу...

Неделю прожил Павлуха у Романа. Роман обещал каждый день:

— Обожди, придумаем что-нибудь. Напиши письмо матери, чтобы не волновалась.

Кто-то из ребят предложил накидывать по полтиннику на комсомольские взносы и выплачивать из этих денег Павлухе стипендию.

Отвергли.

Предлагали подделать Павлухины метрики.

Отвергли.

Павлуха ел мало. Всё спрашивал:

— Аня, а сколько этот паштет в банке стоит?

— Тебе зачем?

— Так, интересуюсь...

Павлуха выходил на улицу, будто невзначай заглядывал в магазины, смотрел цены.

«Шесть рублей банка, — считал он в уме. — Я одну треть съел. Сахар десять семьдесят. Считай двести граммов... Надо сахару поменьше есть...»

Потом Павлуха шел в столовую и там считал:

«Гречневая каша с мясом и гуляш — два рубля тридцать. У Ани каша жирнее, известно... Борщ — два десять...»

Стелили Павлухе на раскладушке, в кухне.

— Простыней нет, — ворчала Аня. — У нас у самих две смены. Я ему старую скатерку постлала.

Роман не возражал, говорил только:

— Нам с Павлухой все равно, хоть на скатерти, хоть на занавеске, лишь бы под крышей.

Однажды вечером к Роману пришел Игорь. Роман, Аня и Павлуха сидели за столом, ужинали. Игорь разделся, сел к столу и попросил тарелку.

— Слушай, Ромка, — сказал он. — Я придумал. Я могу твоего Павлуху в сыновья взять. Будет жить у меня. Мамке его будем посылать каждый месяц деньжата. А что? По-моему, дело.

Роман уставился на него гранеными глазами, потом облилизал ложку и постучал ею по широкому прямому лбу.

— Благодетель... Павлуха только и дождается, когда ты его в сыновья возьмешь. У него мать есть, сестренка, брат маленький. Он на работу пришел.

Игорь оттолкнул ложку, заскрипел стулом и гаркнул, наливаясь обидой:

— Ты из меня идиота не делай! Как его на работу оформить, если у него даже паспорта нет? — Игорь вскочил, пробормотал: — Павлуха, куда ты? — и закричал: — Павлуха, стой!.. Павлуха!

Но Павлуха, нахлобучив шапку, уже выскочил из дома.

Игорь и Роман бросились за ним.

На улице Павлухи не было. Роман нашел его часа через два. Павлуха сидел на скале, что поднялась за поселком сизой кособокой призмой. Он плакал.

Роман уселся возле него на острый шерба-тый камень.

— Перестань, — сказал он. — От медведя не плакал, а тут завыл. Давай лучше песню споем.

— Пой, — сказал он, — тебе что, — и отвернулся.

— Вот именно, мне что? У меня есть дом, семья, работа, учеба. Я сына жду... Зине, Игорю и всем нашим ребятам тоже что. Своих забот хватает... — Роман помолчал, похрустел пальцами, стиснув их в замок. Он шевелил бровями. Вдруг, словно разозлившись, Роман сказал:

— Дать бы тебе как следует, чтобы людей не оскорблял...

Павлуха отодвинулся от него на самый край скалы. Но Роман дотянулся, снял с Павлухиной головы мохнатую шапку и вытер ему мокрое от слез лицо, как мочалкой.



— Перестань хлюпать. Что у тебя за беда? В школу-интернат — пожалуйста. В ремесленное — будь любезен с нового набора. И стренку твою устроят и мамке пропасть не дадут. Нюни цедить причины нет. А тебе всё мало, всё сразу подавай. Как же — пуп земли вырос.

— Тебе легко говорить, — Павлуха подтянул голенища сапог повыше, застегнул ватник на все четыре пуговицы, будто собираясь отправиться прямо отсюда в дальнюю трудную дорогу.

— Пойду, — сказал он. — Мать, наверно, мое письмо получила... Обрадовалась, известно...

— Да замолчишь ты наконец! — крикнул Роман. — Сидит тут и гудит... А моя мать никогда от меня письма не получит... Я тоже шел! Война была. Немец пер по дорогам на железных колесах. А мне шесть лет. Без отца, без матери, без хлеба. Шел и не плакал. Старый человек меня подобрал. Скрипка у него была в черном футляре... — Роман толкнул ногой большой камень, и он покатился в пыльном клубке, увлекая за собой десятки и сотни маленьких камушков. Роман глядел, как сшибаются друг с другом камни, как текут они сухим ручейком. Скулы у Романа расслабились.

— Скрипка у него, — повторил Роман. — Главная струна на скрипке порвалась. Он у всех спрашивал: «Простите, не найдется ли у вас струн для скрипки?»

Люди смотрели на него, как на полоумного. Война кругом, а он струны спрашивает. Я ему пообещал: когда вырасту, сколько хочешь струн куплю, самых толстых, чтобы не быстро





рвались. Он засмеялся. Сказал: «Будет у тебя сын, научи его музыке. Вот и всё. Вот мы и квиты... будем».

Роман позабыл, наверное, про Павлухину беду. Он положил руку ему на плечо, встряхнул его слегка.

— Песню знаешь? «По дальним странам я хожу, и мой сурок со мною»... Этой песне он меня научил... Солдаты-красноармейцы сидели вокруг костра. Концентраты в котелках варили. У дороги их пушка стояла. Они пушку из окружения вытащили. Дали нам красноармейцы концентратовой каши. Просят: «Сыграй, отец, может, последний раз музыку слушать...»

Старик достал скрипку, извинился, что одной струны не хватает, и заиграл. Я запел.

Солдаты глаза попрытали. Неловко им было. Не так они себе начало войны представляли. И обидно им было тоже. Только песню ни в чем упрекнуть нельзя. Эта песня самая мирная, про зверюшку. Молчали солдаты, когда я кончил петь, только сосали цигарки до самого края. Старичок тогда им сказал: «Извините, товарищи бойцы, я вам сейчас сыграю другую, очень красивую песню.»

Маленький старичок. Глаза все время в сторону отводит, словно он виноват в чем-то перед людьми. Начал он было играть и опустил смычок, — сказал: «Простите, товарищи военные, не хватает у моего инструмента голоса для этой песни. Эту песню на серебряных трубах играть нужно». — Он вдруг прижал свою скрипку к груди и запел: «Вставайте, люди русские, вставайте, люди

русские, на смертный бой, на великий бой. Вставайте, люди русские!»

Роман высморкался в большой, как салфетка, платок, нашарил под ногами еще один камень, тронул его каблуком.

Павлуха сидел к нему вполоборота, испуганно смотрел на вершины сопок, лиловые от подкрашенного солнцем тумана. Если бы сейчас война, разве пустил бы Павлуха слезу. Он бы...

— Старик меня в Ленинград привез. Определил в детский дом. Потом я узнал, что он умер в блокаду... Ты себе и представить не можешь, скольким людям я на свете должен. Всей моей жизни не хватит, чтобы расплатиться. Они про меня и забыли, наверное. Был такой парнишка, Ромка-детдомовец. Был парнишка Ромка-фезеушник. Почему был? Он сейчас стал Романом Адамовичем!.. — Роман сильно толкнул камень ногой. Камень покатился по склону, покачался на самой кромке утеса и соскользнул вниз, ломая невидимые отсюда кусты.

— Эй, вы там! — раздался сердитый окрик. — У вас что в голове?

Снизу из-за утеса показались два сухих кулака. Потом на скалу вскарабкался пожилой человек в брезентовой куртке.

— Это ты хулиганишь? — спросил он у Павлухи. — Инструмент ты мне сейчас чуть не сломал?..

Роман поднялся, кашлянул.

— Это я, Виктор Николаевич... Виноват...

Пожилой человек посмотрел на обоих исподлобья, как-то смешно шевельнул щекой.

— А хоть бы и ты. Недоструганная какая-то молодежь нынче. Сапоги какие-то напялил, ботфорты... Мушкетер. — Он кивнул на Павлухины сапоги, вытащил из кармана серебряную коробочку, положил под язык большую белую таблетку, сказал, причмокнув:

— Ладно, камень далеко упал. Это я так, для острастки. О чем говорили?..

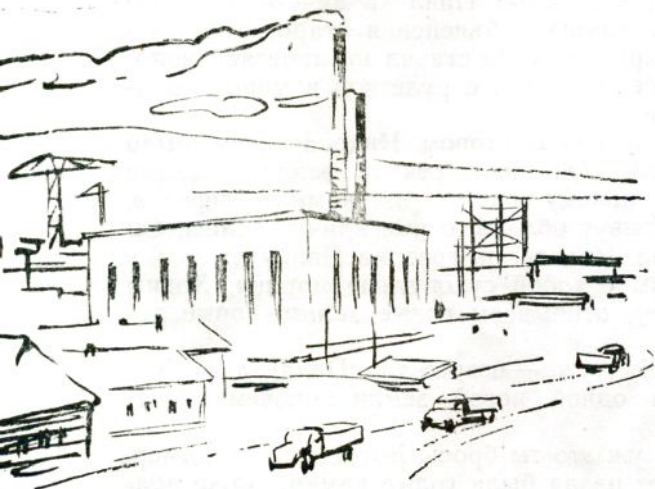
— Так, — смущенно сказал Роман.

Виктор Николаевич окинул Павлуху быстрым ухватистым взглядом.

— Это и есть Павлуха-землепроходец? Мне ваша девушка про него рассказывала, Зина-секретарь...

А на другой день в квартиру Романа пришли секретарь комсомольцев Зина, председатель стройкома Игорь и инженер-геодезист Виктор Николаевич. Шея у геодезиста была замотана шарфом, кожа на лице темная и твердая.

— Вот, — сказала Зина, — Виктор Николаевич.





Роман и Павлуха поздоровались. Геодезист кивнул, сказав вместо здравствуйте:

— Вот так Павлуха, вот так ушкуйник! Сапоги-то, глядите, какие. В таких сапогах только у меня работать.

— Виктор Николаевич имеет право школьников к работе привлекать на время летнего сезона, — объяснил Игорь. Он глядел на Павлуху с победной гордостью. А Зина, посмеиваясь, грызла сухарь, словно это и не она привела сюда Виктора Николаевича.

— Жить станешь в общежитии, аванс на первое время тебе выдадут, а уж дальше всё с Виктором Николаевичем. Он теперь твой начальник. Собирай барахлишко, мы тебе койку покажем в общежитии, — распорядился Игорь. — Давай, Павлуха.

Павлуха забурлил носом, посмотрел на Зину. Глаза у нее уже не были шершавыми, как в первый раз.

— Ну, ты, главный шкет... — сказала она.

Павлуха долго тянул букву «с», а когда Роман сказал за него спасибо, он шаркнул ногой и отвернулся.

Ночью Павлуха проснулся. Посмотрел на часы. Из щелей в занавесках глядело солнце. Оно падало на циферблат красным пятном. Черные стрелки будто висели в воздухе, окруженные закорючками цифр.

Павлухе было неуютно и одиноко под чистой простыней. Кровать не по росту. Комната большая и голая. Мутный стеклянный софит у потолка. Дыхание спящих людей. И насмешливый храп из дальнего угла.

Общежитие... Павлухе казалось, что жизнь взрослого человека обязательно начинается с этого слова, как жизнь ребенка начинается с колыбели.

Павлуха забрался под одеяло с головой, стараясь дышать тихо.

Ночное солнце скользило за окном. Где-то далеко лязгал ковш экскаватора.

Под утро Павлуха крепко уснул. Какой-то сон промелькнул у него в мозгу, оставив ощущение тревоги. Павлуху обдало холодом. Он сжался в комочек, заполз головой под подушку и печально зачмокал губами.

— Вставай! — расталкивал его Роман.

Роман специально пришел в общежитие. Он хотел проводить Павлуху в новую жизнь.

— Пора, — сказал Роман.

Павлуха вскочил с постели.

С кровати напротив прыгнул лохматый парень и, не открывая глаз, принялся делать зарядку. Потом он снова юркнул под одеяло. Сказал:

— Я шикарный сон видел. Мне только конец доглядеть осталось.

Роман стащил с лохматого одеяло. Тот сел на кровати, помигал глазами и сказал, глядя на Павлуху:

— Неправильно, парень. У тебя ведь перед сади.

Павлуха конфузливо проверил одежду.

Соседи смеялись. Роман тоже смеялся. Павлуха посмущался минутку и засмеялся вместе со всеми.

— Умой лицо, — сказал лохматый. — Торопится, будто получку дают.

Когда Павлуха умылся, сосед накормил его хлебом с селедкой, напоил чаем из алюминиевой кружки. Потом каждый шлепнул его по спине.

— Ну, Павлуха, будь!

Павлуха пробормотал свое непереносимое слово — «известно». Он не знал, что сказать еще на это коротенькое уверенное — «Будь». Он догадывался, — от него ждут чего-то, на него надеются. И он хотел быть. Он еще не знал имен своих соседей, не знал их профессий, но догадывался уже, что люди эти веселые. Он уже любил их.

Роман проводил Павлуху до конторы геодезистов. Сдал его с рук на руки Виктору Николаевичу. Тоже шлепнул по спине и тоже сказал:

— Будь, Павлуха...

Начинает человек новую жизнь и даже сам себе кажется иным. И все, к чему привык, что уже перестал замечать, тоже становится не таким обычным. Как будто принарядилась земля, стряхнула с себя серую скучную пыль. Обнажились другие, яркие краски. Каждый человек, если он не безнадежно тосклив и солиден, совершает это веселое открытие много раз в своей жизни и всегда с удовольствием.

Виктор Николаевич и Павлуха отмечали места для шурфов, проводили сложные съемки, в которых Павлуха ничего не понимал, но слушал объяснения старого геодезиста, открыв рот. Он ставил на отметках полосатые рейки, бегал с рулеткой и мерной проволокой.

Работать с Виктором Николаевичем было интересно. Он знал, откуда взялись разные камни, почему растут на камнях деревья, куда плывут облака, о чем кричат птицы. Он все знал. Иногда он говорил Павлухе:

— Мы с тобой сухопутные моряки. Ходим по свету, открываем новые земли, новые дологи.

— Ну уж, — возражал Павлуха. — Сейчас ни одной новой земли нипочем не открыть.

— А уж это ты брось. Вот здесь, например, пять лет назад были голые камни. Даже вол-







ки околевали здесь от тоски. А сейчас посмотри, какое веселье. Пейзаж без жилья только в золоченой раме выглядит. Я, Павлуха, по таким пейзажам ноги до колен истоптал.

Вечером они разводили костер, вываливали на сковородку консервы.

Павлуха ложился возле костра на сосновые лапы. Глядел в розовое небо.

Солнце здесь не садится в июне. Ходит по небу кругами. Ночью задевает за верхушки сопок каленым боком. Деревья тогда похожи на зажженные свечи, а в распадах стынет горячий солнечный шлак, играя сизыми и пунцовыми красками. Виктор Николаевич веселый человек, думал Павлуха. Роман тоже веселый. И все здесь веселые. И погода стоит отличная, как будто север отступил к самому полюсу.

Много на земле веселых людей. Они не смеются беспрестанно. Не пляшут без конца. Не горланят песни без передышки. Они просто живут на шаг впереди других. Они идут на шаг впереди других. С ними не устанешь и не замерзнешь. Давно уже стало известно — больше всех устают последние. А что касается хорошей погоды, она всегда хороша, когда весело у человека на сердце, когда ему некого бояться, нечего стыдиться и незачем врать.

Павлуха думал, засыпая у костра: с полочки денег мамке направлю. Роману отдам за кормежку. Я ему должен. Если останется, куплю себе рубаху в красную клетку.

Взбираясь на сопки, ночуя в распадах, Виктор Николаевич сосал иногда большие белые лепешки из серебристой коробочки. Таких коробочек у него было несколько.

Павлуха полюбопытствовал:

— Что это вы под язык кладете, может, витамин какой?

— Точно, Павлуха, витамин «Ю», специально для стариков, которые не хотят дома сидеть.

Как-то установили они на невысокой горшке теодолит, сориентировали его и хотели было начать съемку. Но после полудня из расщелины наполнился туман. Он набился в ложину густо. Оседал на волосах серым бисером, прилипал к щекам и ладошкам.

Виктор Николаевич разулся, чтобы дать ногам отдых.

Павлуха посмотрел на его старенькие истрепанные ботинки. Спросил; опустив голову:

— Виктор Николаевич, почему вы меня на работу взяли? Ведь у геодезистов тоже нету

такого закона, чтобы меня на работу брать. Я узнавал...

Виктор Николаевич глядел в землю. Лицо у него было грустным.

— Крючок ты, Павлуха.

Виктор Николаевич поднял Павлухину голову, глянул ему в глаза и сказал недовольно:

— Я, Павлуха, одному человеку задолжал... Младшему моему сыну.

— Он умер? — Павлуха спросил и тут же пожалел об этом.

«Дурак», — сказал он про себя.

Виктор Николаевич отвернулся.

— Нет, почему, он живой... У меня их трое, сынов. Старший в Москве, в авиации. Средний в Калининграде — моряк. Младший... — Виктор Николаевич помолчал, словно раздумывая, говорить или нет. Потом сказал жестко: — Младший в тюрьме.

Павлуха съежился. Ему показалось, что туман сгустился, стало трудно дышать. Рот у него наполнился слюной. Глаза защипало.

— До шестого был отличник, — продолжал Виктор Николаевич. — В шестом классе — четверочник. В седьмом — и так и сяк. В восьмом — двоечник. В девятом — танцор... Я тогда на Камчатке работал. Старуха-то от меня скрывала... Я...

Павлуха посмотрел на геодезиста. Тот сползал с пенька, запрокинув голову. Он широко открывал рот. Подбородок и грудь у него вздрагивали, как от редких ударов.

Павлуха вскрикнул. Бросился, чтобы помочь. Но Виктор Николаевич поднял руку и потряс головой: мол, не трогай, я сейчас, сам...

Павлуха ползал вокруг него на коленях.

— Виктор Николаевич, чего же вы так... Виктор Николаевич, негоже ведь так... — И вдруг крикнул: — Дядя Витя!

Виктор Николаевич лежал на спине, подсунув руки со сжатыми кулаками под лопатки. Лицо его было серым. На нем резко и холодно блестела седая щетина.

Павлуха вскочил и бросился к дороге.

Шоссе проходило метрах в пятистах от горшки. Еще со склона Павлуха заметил машину с солдатами.

— Стой! — закричал Павлуха, и, расставив руки, бросился наперерез. — Стой!

Он споткнулся в своих сапожищах, упал плашмя на дорогу.

Из кузова выпрыгнули двое солдат-пограничников. Пограничники торопились. Наверно, у них было очень важное дело. Наверно, их нельзя задерживать. Но разве Пав-



луха думал об этом! Он закричал, обхватив офицера за пояс:

— Виктор Николаевич умирает! Геодезист. Его в больницу нужно. Товарищ старший лейтенант!

— Сименихин, — подойдя к машине, сказал офицер, — пойдете с мальчишкой. Колышкин пойдет с вами.

Из кузова выпрыгнул сержант с санитарной сумкой через плечо.

Машина рванулась с места и тут же пропал ее след, только запах бензина висел над дорогой.

Павлуха бежал. Он постоянно оглядывался. Рядом шагали два солдата в зеленых пограничных куртках с карабинами через плечо.

Виктор Николаевич лежал в той же позе. А возле него на траве светлела коробочка со стариковским витамином «Ю».

Сержант снял сумку, встал над геодезистом на четвереньки и зашептал, закатывая ему рукав:

— Сейчас, отец, сейчас...

Павлуха отвернулся, когда острая игла шприца воткнулась в руку Виктора Николаевича.

— Теперь только осторожность, — сказал сержант. — Слушай, пацан, у вас найдется палатка или одеяло? Что-нибудь такое...

— Одеяло.

— Треногу нужно разобрать, — сказал солдат, — из нее носилки удобно сделать.

Солдаты-пограничники положили Виктора Николаевича на самодельные носилки и понесли. Глаза у геодезиста уже приоткрылись. Он смотрел прямо в небо, в вечную синеву. Но смотрел строго, словно делил небеса на треугольники и мысленно забивал колышки в тех местах, где удобно возводить мосты, строить воздушные города, прокладывать дороги и линии высоковольтных электрических передач.

По шоссе катил пятнадцатитонный «МАЗ». Он резко затормозил.

Солдаты молчали. Они осторожно подняли носилки с геодезистом в кузов машины. Потом погрузили туда инструменты и вещи. Павлуха хотел подсунуть под голову Виктора



Николаевича рюкзак, но солдаты подняли носилки. Они ехали, стоя на мешках с цементом. Держали в руках носилки, чтобы Виктора Николаевича не трясло на промоях. Они стояли, широко расставив ноги, а за плечами у них поблескивали боевые карабины.

В городе Виктора Николаевича сдали в больницу.

Солдаты помогли Павлухе погрузить прибор и вещи на попутную машину.

— Спасибо, вам, — сказал им Павлуха.

— Ладно, парень, шагай... — Солдаты закурили папиросы «Огонек», по тридцать пять копеек пачка, и двинулись своей дорогой.

«Если бы деньги, я бы им «Казбек» купил», — подумал Павлуха.

Красное солнце висело над трубой плавильного завода. Оно было похоже на факел.

Навстречу неслись машины с грузами. У шлагбаумов перекликались шоферы. Жизнь текла ровно, упруго.

«А Виктору Николаевичу, небось, уже как-каву подают на блюде, — подумал Павлуха. — Только он ее пить не захочет. Он любит крепкий чай из походного чайника».

В конторе геодезистов толкотня — давали получку. Павлуху пустили вне очереди: он устал с дороги, он молодец, он геройский малый. Кассирша отбирала у всех по пяти рублей на вкусные вещи для Виктора Николаевича. Все понимали, что незачем они старику, что раздаст он их соседям по палате. Но всем хотелось передать ему привет и много хороших слов. И лучше всего это смогут сделать пустяковые цветы, умытые яблоки и апельсины, которые растут на другой стороне земли и пахнут жаркими ветрами.

Павлуха получил деньги: сразу шестьсот рублей. И полевые, и суточные, и зарплату.



Кассирша высчитала у него пять рублей Виктору Николаевичу на подарок.

— Как со всех, — сказала она.

Павлуха не пошел к себе в общежитие. Он направился к Роману. Ему казалось, что люди не принимают его всерьез. Им не понять Павлуху. Павлуха отдает долги. Вон у него сколько денег: мамке pošлю, Роману за питание отдам... Кому еще?

Роман встретил Павлуху шумно. В комнате было много народа. Все сидели за столом и громко разговаривали. Здесь были Зина, Игорь и другие ребята.

— Здорово, Павлуха! — Роман стиснул его за плечи и подтащил к дивану. — Ты посмотри...

На диване в пеленках лежал человек, крошечный, с наморщенным лбом и туманными синими глазами.

— Мальчишка, небось?

— Парень!

— Поздравляю, — сказал Павлуха, стыдясь этого звучного слова.

Парни и девчата за столом хвалили малыша, смеялись над Романом. А тот, не зная, куда ему деться, куда ему стать, ухмылялся и хвастал:

— Телом весь в меня, а характером в Аню. Спокойный, порядок понимает.

Зина жевала конфеты и смеялась. Игорь разглаживал ногтем серебристые обертки, которые она бросала в блюдо и складывал их одна на другую, ровно-равно, край в край.

В углу стоял трехколесный велосипед, обвешанный пакетами и погремушками.

«Подарки! — сообразил Павлуха. — Смехота, только родился и уже подарки. За что?»

Павлуха сунул руку в карман, нащупал там пачку денег и снова принялся считать: мамке триста рублей, себе на пол-месяца, Роману за пропитание... — Он посмотрел на Романа.

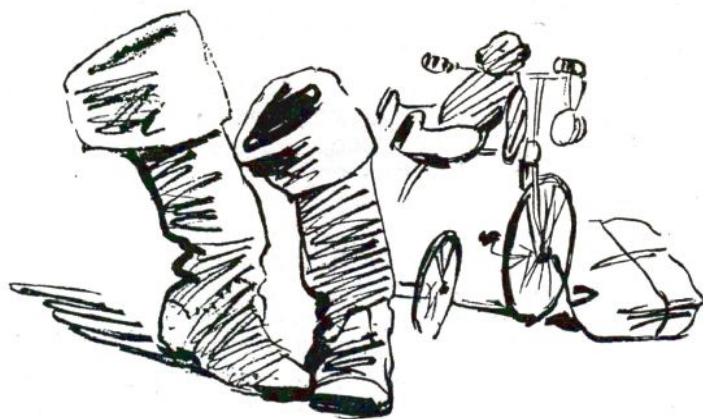
Роман был громадным, веселым, счастливым.

— Садись, Павлуха, — сказал он. — Рубай колбасу, сыр голландский, шпроты. Закусывай. У меня сын...

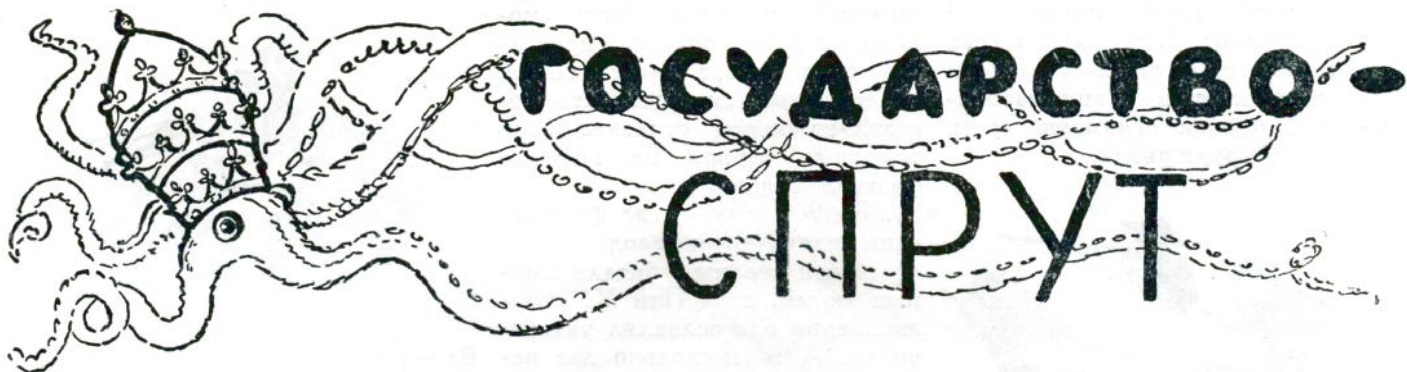
«Нельзя ему деньги отдавать, — тоскливо подумал Павлуха. — Еще обидится, даст по шее, пожалуй!».

Павлуха вытащил руку из кармана, потом снял свои сапоги. Прошел босиком к велосипеду и поставил их там.

— Это хорошие сапоги, — сказал он. — Рыбачки. Это от меня... Пускай носит...







И. Григорьев и С. Стецкевич

Рисунки А. Януса

Все дни Ярослава Галана были заполнены большим трудом: встречи с избирателями, антирелигиозная лекция на заводе, редактирование нового памфлета для сборника «Я плюю на папу». Но сегодняшний вечер весь отведен для газетной статьи: приближается десятилетие воссоединения украинского народа.

В пустой квартире тихо. Длинный звонок прервал работу Галана. Писатель отложил работу и пошел открывать. Их было двое. Одного он знал — студент Львовского Университета, которому Галан недавно помог как Депутат Верховного Совета. Другого он видел впервые...

— Я опять к вам с просьбой. Ярослав Александрович, — заговорил пришедший.

— Заходите, друзья! — Ярослав Галан провел гостей в кабинет. На столе были разбросаны бумаги. В тот момент, когда он наклонился собрать их, сильный удар оглушил его. На недописанные листы брызнула кровь. Галан упал на пол...

Преступникам не удалось скрыться. На судебном процессе во Львове бандиты признали, что задание они получили от Ватикана, «потому что Галан был страшен Ватикану».

Что же такое Ватикан, который посылает наемных убийц?

Ватикан — это государство, особое государство. В нем не дымят заводы, но чадят тыся-

чи свечей и лампад. Из него не вывозят машин, но распространяют церковные послания, призывающие повиноваться папе и богу. В этом государстве не сеют хлеб, здесь плетут паутину заговоров и сеют ложь. В центре этой паутины и жи — папа, верховный правитель католической церкви.

Ватикан — крохотное государство. Его границы можно обойти за полчаса. Его территория так мала, что на ней стоит только собор святого Петра да Ватиканский дворец. Но в этом государстве есть придворные, солдаты и жандармы. Есть в нем мощная радиостанция — передачи ведутся на многих языках мира, большим тиражом выходит газета «Римский наблюдатель», издаются тысячи почтовых марок, открыток и конвертов с надписью «Государство-город Ватикан». Сорок семь капиталистических стран присылают своих дипломатических представителей к Ватиканскому двору. Население этого государства около тысячи человек, но власть его распространяется на миллионы. Ведь Ватикану подчиняются католики, а их более четырехсот пятидесяти миллионов. В таких странах, как Италия, Франция, Испания, Португалия, большинство верующих — католики.

В чем же источник силы этого карлика, сумевшего подчинить себе сотни миллионов людей?

...Весна 1948 года. Италия

накануне парламентских выборов. На домах пестрят плакаты. Гудят тысячеголосые митинги. Выступают шахтеры, металлурги, рыбаки. Они зовут к единству и сплочению.

Весь капиталистический мир встревожен возможностью победы итальянского народа на выборах. Над мирными городами Италии днем и ночью летают американские самолеты. К берегам страны подтянута американская эскадра. И вот тогда из церквей и монастырей черной тучей выползает армия попов и монахов. Они успевают побывать в каждом доме, заходят в каждое селение, проникают в каждый дом, в каждую семью.

— Не голосуй за коммунистов, и ты спасешь свою душу, — гнусавит монах в одном доме.

— Святая церковь отлучит сторонников коммунистов, — гудит бас священника в соседней церкви.

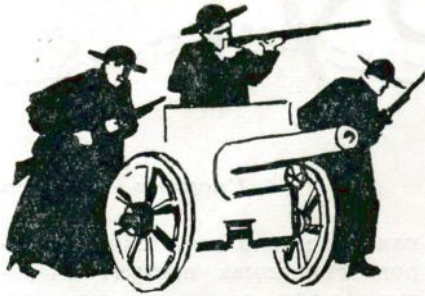
— Оберегай себя от сатанинских козней коммунистов, — шепчет исповедник запуганной женщине-католичке.

И цель достигнута. Все объединенные силы реакции — от папы Пия XII до американского миллионера Рокфеллера — торжествовали победу.

Через несколько месяцев после выборов на банковский счет Ватикана переведено еще несколько сот тысяч долларов.



Римский папа — крупнейший банкир мира. Еще бы! Во всех странах мира попы и монахи перекачивают в казну католической церкви огромную часть доходов трудящихся.



В Риме недалеко от центра висит мрачное серое здание — «Банк Святого Духа» — гласит надпись на его стенах. Здесь сосредоточены золотые запасы Ватикана. Они больше чем золотые запасы Англии, Франции и Бельгии, вместе взятых. Ватикан финансирует макаронные фабрики и химические заводы, электростанции Италии и текстильные фабрики Франции, пароходные компании Аргентины и строительство римского водопровода. Золото мощным потоком течет в сейфы банка и вновь вкладывается в еще более выгодные предприятия. Поэтому неудивительно, что Ватикан — верный защитник капиталистического строя, а папа



римский и крупнейшие монополисты восторженно приветствуют приход к власти самых реакционных сил, тех, кто заставляет народ отдавать свои трудовые гроши на военные расходы и церковь.

...В 1941 году, когда фашистские палачи жгли города и села советской страны, убивали мирных людей, папа Пий XII торжественно благословлял захватчиков. А за несколько лет перед нападением на нашу страну,



когда немецкие промышленники и прусские помещики в страхе за свои доходы поддерживали фашистскую диктатуру, Ватикан был одним из первых, кто прислал благословение Гитлеру...

Меняются папы, но остается неизменной их политика. И до сих пор католическая печать ратует за войну, уверяя, что война против стран социалистического лагеря «согласуется с учением Христа», а теперешний папа Иоанн XXIII добавляет, что «с коммунистами не может быть никакого мира». Вот почему в марте нынешнего года — во время поездки Никиты Сергеевича Хрущева по Франции —



Ватикан и князья католической церкви запретили мэру города Дижона священнику Киру встретиться с главой советского правительства.

Черной сутаной и библией Ватикан прикрывает автомат, ампулу с ядом, шпионский передатчик.

«Терпи и молись», — вот что вбивает ежедневно религия в головы людей.

— Терпи, — говорят попы голодным безработным. — Если у тебя сегодня нет куска хлеба, если дети твои пухнут от голода, то в будущем тебе уготован рай.

На окраинах огромных городов, где в трущобах ютятся нищета, церковники проповедуют: «бог даст вам счастье в будущей жизни, вразумит капиталистов, они помогут несчастным безработным. Бог распределит богатство равномерно между жителями нашей





земли... Ждите... А пока смиритесь».

И к этому — смирению и ожиданию — призывают люди, которые сами пользуются радостями жизни теперь, не рассчитывая на будущее блаженство. Римский папа утверждает, что бедность — лучший способ попасть в рай, а сам живет в великолепном Ватиканском дворце или в роскошной вилле под Римом. О папе Льве XIII его племянник писал, что папа чаще занимался подсчетом денег, чем молитвами. В молебне у этого папы было два сейфа с золотом, драгоценностями и деньгами.

Католическая религия пускает в ход все средства: радио, телевидение, кино. Она посту-

гиозных книг стремятся захватить в свой мутный поток как можно больше людей, отвлечь их от борьбы с несправедливостью и социальным злом, которые царствуют в капиталистическом мире.

В Италии организовано «движение друзей Иисуса Христа». Это заслуга католической церкви. Движение охватывает детей в возрасте от шести до тринадцати лет. Детей приучают подолгу не пить воды, голодать, есть крапиву, мокнуть под сильным дождем и жариться под палящим солнцем... во имя избавления от грехов. «В аду есть огонь, который горит и никогда не гаснет», — внушает священник маленьким детям, запугивая их муками ада. Он зажигает



На Всемирной выставке в Брюсселе у стендов, посвященных развитию атомной энергии, монахи с отличным знанием дела вели разговоры о ядерной физике. А в павильоне Ватикана посетителям показывали мраморную модель спутника. Оказывается, и спутник — «детище бога». Папская газета как-то выражала надежду, что с развитием науки и освоением космоса человек может научиться слушать «чудесный голос бога, трепещущий во вселенной».

«Все от бога...» — вот как объясняют достижения науки церковники.

Но ухищрения религии напрасны, влияние Ватикана сокращается. Будущее не принадлежит Ватикану.



пает примерно так же, как любящая торговая фирма, которая назойливо расхваливает свой товар...

Теперь верующие могут увидеть бога... где бы вы думали? В кино!

Недавно в Соединенных Штатах Америки поставили фильм о жизни Христа, а сейчас в Италии снимается картина с участием самого «господа бога». Верующие смогут увидеть, как бог сотворил землю и все живое на ней за шесть дней, увидеть собственными глазами рай, Адама и Еву. Ватикан благословил съемки этого фильма. Церковные проповеди по радио, телевизионные передачи о святых мощах и целебных источниках, кинофильмы, сотни рели-

свечу, подносит палец и сразу отдергивает... А ведь в аду грешники горят вечно: «Дети, закройте глаза, постарайтесь вообразить огонь, который поднимается по вашему телу»...

Церковь стремится проникнуть всюду. В один прекрасный день папа объявляет Первое Мая... днем праздника в честь Святого Иосифа. Но эта выдумка мало помогла Ватикану. Не с изображением Святого Иосифа на знамени, а с красными флагами выходят в этот день рабочие на улицы и площади и требуют у капиталистов работы и мира.

Религия не оставляет в покое даже науку. Католицизм требует от ученых научного доказательства существования бога...







# В океаны Вселенной

А. Томили

Рисунки Г. Ковенчука

Воронка не воронка... Может быть, перевернутая, телевизионная трубка? Но к чему тогда фигуры астронавтов и ракета, маленькая, как рисовое зерно?

Номер нашего журнала — октябрьский. Октябрь — особый месяц. Ровно три года назад был запущен первый в мире искусственный спутник Земли.

Не бог весть какой юбилей — три года, а первый спутник уже вспоминается нам крохотным, трогательно отважным шариком. Он — как каравелла Колумба рядом с современными теплоходами-великанами. А то ли еще впереди...

Наука и техника идут вперед семимильными шагами. О многом мечтается в праздничном месяце октябре.

И, между прочим, вот о таком гигантском корабле, немножко похожем на пионерскую фанфару. В нем люди когда-нибудь отправятся к пределам иных планетных систем.

Ракетный двигатель обычного типа удобен не во всяком путешествии. Для межзвездных рейсов он не годится — тихоходен. Слишком велики расстояния. Не то что одной — ста жизней не хватит экипажу, чтобы увидеть, наконец, неизведанные миры. Фотонный двигатель — дело другое.

Всякий луч света — это лавина крошечных частичек, фотонов. Они мчатся с самой большой скоростью, которая известна в природе, — триста тысяч километров в секунду. Если бы «оседлать» частички, проехаться верхом на луче!

Оказывается, это возможно.

Принцип остается прежним, реактивным. Только не раскаленные газы, а мощный световой поток рождается в камерах сгорания. Отбрасывая фотоны из гигантского электромагнитного сопла-«абажура», фотонная «лампа» сама разовьет скорость, близкую к световой.

Но мы забежали вперед. Прежде чем отправиться в полет, корабль необходимо построить. А это задача серьезная.

Исаакиевский собор в Ленинграде, Эйфелева башня в Париже, Московский университет на Ленинских горах — карлики по сравнению с межзвездным лайнером будущего. Конечно, строить его на земле невозможно. Как кит, выброшенный из воды, расплывется остов ракеты под собственным весом. Даже если применять сверхпрочную сталь.

Строить нужно там, где веса не существует.

В черном безвоздушном пространстве, на далекой орбите, откуда Земля кажется половинкой антоновского яблока, идет сборка. Гелиосварщики, разместившись на ребрах металлической конструкции, работают в самых невозможных, казалось бы, позах. Одни вверх ногами, другие лежа, третьи... Впрочем, о чем разговор? Где здесь верх, где низ? Силы тяжести нет. Сварщики, чтобы не улететь, привязываются длинными капроновыми шнурами.

Идет монтаж самой ответственной части — излучателя. Один за другим кладут люди в скафандрах листы полированного металла. Собирают вогнутое зеркало площадью в несколько квадратных километров.

К краю рефлектора причалила небольшая ракета: прилетела смена. Монтажники живут в головной части фотонного корабля, далеко...

Пройдет еще немало времени, прежде чем монтаж закончится. Но и тогда полет начнется не сразу. После того, как экипаж займет места, и все люки будут наглухо задраены, обычные космические ракеты отведут гигантский межзвездный корабль еще дальше от Земли, куда-нибудь на орбиту Марса. Только оттуда возможен осторожный старт.

Почему для старта фотонной ракете надо уйти от Земли на миллионы километров? Подумай сам. Сила светового потока должна быть в несколько раз больше, чем сила излучения поверхности Солнца. Представляешь, что произойдет, если огненный хвост коснется Земли?

Со страшным грохотом вскипят и унесутся ввысь океаны. Черным пеплом покроются плодородные поля, города. Погибнет человечество — великое братство людей, которые к тому времени наверняка устроят себе жизнь, о какой мы сегодня мечтаем, за которую боремся.

Вот почему мы сказали об «осторожном» старте.

Отвернув от планеты губительное сопло, медленно наберет скорость звездный корабль. И лишь за пределами солнечной системы, в открытом океане Вселенной капитан включит двигатели на полную мощность. Начнется многолетний путь...



# Открытие профессора Минаева

Карел Черни

Рисунки В. Голыкина



Я всю жизнь говорил и всю жизнь верил, что есть люди, которым, если уж не повезло один раз, то и дальше не везет ни в чем. И так им от своего невезенья и не избавиться, хоть разорвись на мелкие кусочки. Все равно — каждому кусочку тоже не повезет. Такими уж эти люди созданы. Бывало, и мне не везло, но все это было ничто перед невезеньем Войты Калаша. Мое невезенье рядом с его невезеньем просто мелкое невезеньишко. Мы и звали-то его не Войта Калаш, а Невезучка!

Он даже перестал верить, что избавится когда-нибудь от своего невезенья. Вот, занимаемся мы, допустим, на буме. Все прошли по нему. А Войта влез, сделал несколько шагов — и спрыгнул. Не упал. Спрыгнул.

— Для чего мне пробовать? — говорит. — Все равно упаду. Я же невезучий.

Ну, ладно, с бумом пусть будет так. Хуже, что это на него находило, к примеру, и на уроке истории. Учитель вызывает. Войта знает всё. Войта не глупый парень, нет, просто невезучий. Рассказывает, рассказывает, и вдруг — стоп.

— Ну, продолжай, — подбадривает его учитель, а Войта только вздыхает, крутит пальцы и молчит. И получает кол.

Мы его на перемене спрашиваем:

— Как же так, ведь ты сначала всё знал, а потом вдруг ничего не знал?

— Я и дальше все знал, — говорит, — но когда представил себе, что он меня спросит еще что-нибудь, а я этого, может быть, знать не буду, то есть, обязательно не буду знать, раз я такой невезучий, я и перестал отвечать, чтобы уж покончить с этим безмучений.

— Да с чего бы он стал спрашивать другое?

— Спросил бы, непременно спросил. Вы же знаете, какой я невезучий!

Вот как далеко у него дело зашло. Если ему что-нибудь удавалось, он сам удивлялся.

— Это случайно! — говорил он и ждал, когда ему опять не повезет. И если почему-либо несколько дней все было в порядке, он до смерти пугался.

Как-то раз я завел об этом речь дома.

— Тебе тоже не везет? — спросил папа.

— Мне только иногда, а с Войтой ужас что творится, честное слово!

— Ну так приведи его к нам.

— А зачем? — спрашиваю.

— Увидишь!

Очень таинственно он это произнес.

Ну, мы пришли.

— Здравствуй, Войтишек, — сказал папа и стал его разглядывать со всех сторон, словно какую-то диковую зверюшку. — Наш Лубор столько о тебе рассказывал, прямо с три короба. И я подумал, что не могу тебя оставить в беде...

Он испытующе поглядел на нас.

— Что ж, пойдете ко мне в комнату.

Мы пошли, перепуганные.

— Садитесь.

Мы сели и зажали руки между коленками. Что это он собирался с нами делать? А больно не будет?

— Я знаю, — став совсем серьезным, сказал папа, — что некоторые люди не верят в невезенье. Я тоже раньше смеялся над ним, но оно шуток не любит. Как тебе известно, — обратился он ко мне, а меня даже в жар бросило: ведь мне ничего не было известно, — как тебе известно, я в прошлом году ездил в Москву. — Ну, это мне, действительно, было известно. — И пришлось мне там, в Москве, побывать на удивительном докладе. Читал его член Академии наук, профессор Минаев. Он говорил — угадывайте, о чем? Ни за что не угадаете! Он говорил о невезучих и о невезенье.

Мы так и выпучили глаза.

— Это правда?

— Конечно, правда. Ученые проводили исследования, чтобы узнать, в чем суть невезенья, и нашли от него лекарство. Да, лекарство. Вот этот самый профессор Минаев.

Войта так и стрельнул глазами в мою сторону, словно говоря: «Вот видишь, а вы все не верите в мое невезенье!»

— Когда принимаешь это лекарство, — сказал папа, — становишься спокойным, ничто тебя не волнует, ничего ты не боишься, все выдержишь, — если ты, конечно, не растяпа, который так или иначе свалится с того же самого бума, и если ты не лодырь, у которого один ветер в голове, — а этого про вас обоих не скажешь.

Войта просиял.

— Я вас, конечно, позвал не только за тем, чтобы рассказать вам об этом открытии... Я хочу подарить вам, ребята, лекарство Минаева.

Я был совершенно потрясен.



— У тебя оно есть?

— Да, вот оно, — ответил папа и вытащил из кармана две стеклянных трубочки с белым порошком. — Оно называется «антиневезин» — то есть, средство против невезенья. Это порошок особого состава. Достаточно лизнуть его, совсем немножко, ну, всего лишь несколько крупинок — и невезенье тут же исчезает. И если тебя вызовут и получишь кол, — тут уж пеняй, милый, только на себя, и не болтай о невезенье, потому что все дело в лодырничестве. И если свалишься с бума, значит, ты растяпа, а вовсе не невезучка. Знаний или каких-нибудь замечательных способностей это лекарство тебе не принесет. Я дам каждому по трубочке. Только экономьте его, ребята, попусту не тратьте. И еще вот что. У нас этот порошок в продажу еще не поступал. Мне бы не хотелось, чтобы о нем пошли разговоры. Пока обо всем знаем только мы трое, и вы никому ничего не станете рассказывать, договорились?

Мы протянули руки, взяли антиневезин, точно какую-то святыню, и у нас словно тяжесть свалилась с рук и ног, мы просто готовы были плясать! Э-гей! Вот теперь мы заживем!

И зажили! Сказочно зажили! Полная красота! Не жизнь, а малина!

И началось это сразу же, на другой же день, на арифметике.

— Есть у меня интересная задача, — сказал учитель. — Хотелось бы мне знать, сможет ее кто-нибудь решить или нет... — И прочел нам довольно трудную задачу.

Я бы, например, и не знал, как за нее взяться. Но тут, вижу, Войта что-то быстро лизнул. Ну, и я тоже лизнул. Учитель дал нам время подумать, но никто так и не поднял руки. Тогда он еще раз прочел задачу и прошелся между партами. Поглядел на меня, на Войту, — а Войта так и смотрит ему прямо в глаза.

— Ты рискнул бы, Войта?

Войта только плечами пожал и сразу встал — да, мол, я согласен. Я просто едва дышал от волнения — что же будет дальше? А Войта уже стоял у доски; он взял в руки мел, немножко задумался, а потом как пошел писать — учитель только кивал да кивал головой. Я был огорошен! И вдруг Войта заколебался (потом он признался, что его испугала одна мысль: а может быть, антиневезин действует только недолго!) Но учитель все подбадривал его:

— Молодец, Войта, хорошо начал!

Войта успокоился и продолжал уверенно писать. Это поразило и меня, и учителя, и весь класс.

— Отлично! — похвалил его учитель. — Вот видишь, мальчуган, сколько раз я тебе говорил: голова у тебя работает прекрасно, ты просто ленишься!

Ах, ну что он мог знать! А Войта уже сидел рядом со мной; мы пожали друг другу руки под партой и прошептали:

— Сказочно! Первый сорт! Ну просто здорово!

Это нас совсем окрылило. Папа у меня — золото, антиневезин — золото, профессор Минаев — золото!

— И во всем-то Советы обгоняют американцев, — заявил Войта, — и в спутниках и в антиневезинах... Вот это вещь! Ты только спроси папу, как долго это действует, если лизнешь один разок — а то я опять вдруг испугаюсь!

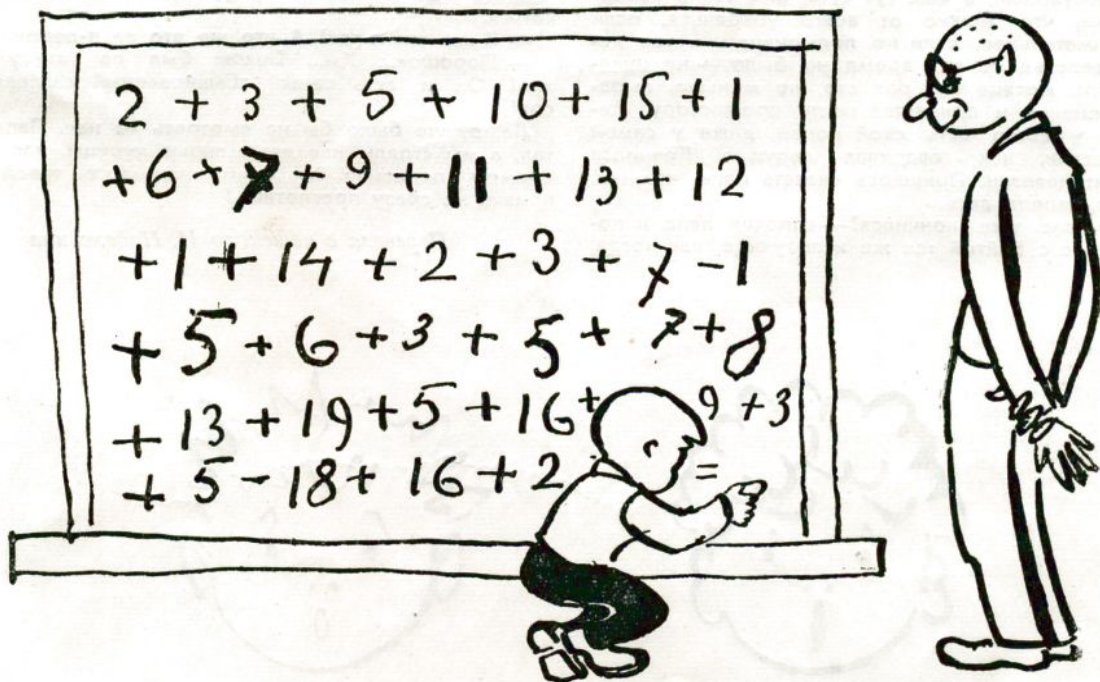
Папа меня успокоил. Самая малюсенькая доза действует, оказывается, несколько часов.

Вот так дела и шли дальше. Мы никак не могли дожидаться урока физкультуры и бума. Ведь на нем Войта всегда погорал.

— Я еще с ними поговорю, с нашими воронами, пусть не каркают! — радовался он. — Я им покажу! Вечно они надо мной смеются... Вот теперь увидят! Дождались мы этого урока. Войта сбежал в раздевалку.

— Что ты там делал? — спрашиваю.

— Антиневезин! — шепнул он. — Лизал!





А ребята покамест готовили бум.

— Сегодня я пройду, — этак небрежно, вполголоса, бросил Войта Франте Лангру, который стоял рядом с ним.

— Ну, конечно, обязательно пройдешь, клецка несчастная! — ухмыльнулся Франта.

Когда наступила очередь Войты, он потер руки, ловко вскочил на бум и пошел по нему — все шел, шел, хоть и медленно, но спокойно, как на прогулке — и перешел на ту сторону! Все зашумели от удивления.

— А еще раз не перейти! — крикнул Франта.

А Войта ему:

— Тихо!

И спокойно пошел обратно — и опять перешел на другую сторону.

Ребята даже захлопали; сам учитель удивился:

— Не может быть! Что это с тобой сегодня, Войта?

А мы только подмигнули друг другу и хихикнули; нам было так хорошо, ну просто замечательно! Мы-то знали, в чем дело.

Ну что вам сказать о том, что было дальше? Разве несколько слов. Запаса антиневетина нам хватило на три месяца. За эти три месяца — не то, чтобы нам давалось все, без исключения, нет, врать не буду... Всегда происходит что-нибудь такое, что не может принести большой радости... Но только когда мы с Войтой обсуждали, в чем тут суть, нам стало совершенно ясно, что можно от всего уберечься, если быть повнимательнее, если не лодырничать и так далее. А невезенья за это время не было, — ну никак! За три месяца мы раз сто, не меньше, выражали восхищенье и признательность профессору Минаеву. Но у всего есть свой конец, даже у самой длинной палки, как говаривал дедушка. Кончился у нас и антиневетин. Пришлось сказать папе, что так, мол, и так, вышел весь.

— Он у вас уже кончился? — спросил папа и поглядел на нас с Войтой так же испытующе, как тогда,



в первый раз. — И в самом деле действовал положительно? Сколько вы им пользовались? Три месяца...? Хм...

Мне сразу же показалось, что он растерялся — видимо, у него нет больше антиневетина.

— У тебя его больше нет? — спрашиваю ровным голосом, но, само собой, немножко печально.

— Есть, есть, хватит еще лет на двадцать, только... — И опять замолчал. — Сказать вам или не сказать...

— Говори, пожалуйста, — жалобно попросил я, — не мучай нас...

— Сказать? Ну что ж, выложу вам всю правду... Это лекарство, этот антиневетин, изобрел не профессор Минаев. Это мое собственное открытие.

— Твое? — удивился я и напыжился от гордости. Вот так папа у меня! И ничего нам не сказал!

— Мое.

— А как ты его открыл, как ты до этого додумался?

— Не мог я больше слушать ваши вечные жалобы. Как две старые суеверные бабки: не везет, не везет, не везет... Что вам, собственно, дал мой порошок? Перестали верить в невезенье и стали верить в себя, так? Так. Вот в этом-то и есть все чудо. Надеюсь, что теперь эту веру в себя не утратите.

Войта так и застыл от удивленья, а я начал заикаться.

— К-как это т-так? А что же это за п-порошок?

— Порошок... Хм... Похож был по вкусу на сахар? Он и есть самый обыкновенный сахарный песок!

Да, лучше было бы не смотреть на нас. Папа хохотал, а мы стояли, как две мокрые курицы, нас словно громом поразило. Вы сами понимаете, такой сюрприз не сразу проглотить!

*Перевела с чешского Н. Надеждина*







# ТРИ ДЖЕНТЛЬМЕНА У ЛОНДОНСКОГО ТАУЭРА

*Пис. Ивановский*

*Варисовки Б. Семенова*

Лесли, Колин и Дик сидят верхом на старинной пушке.

Перед ними — широкая спокойная Темза. Сзади поднимаются древние стены Тауэра — лондонской крепости. Они кажутся еще темнее оттого, что окружены залитыми солнцем лужайками, подстриженными, как голова школьника. Солнце щедро светит на огромный город, и может быть, поэтому такая густая толпа течет в старинные ворота Тауэра.

— Колин, что это за башня? — спрашиваю я.

— Это? — удивляется Колин. — Это же Кровавая башня! Там был убит король... король...

— Эдуард пятый, — подсказывает Лесли.

— Да, Эдуард пятый. И еще его брат. Им было всего тринадцать лет. В башне показывают комнату, где их убили. Вы разве никогда там не были?

— Мистер — иностранец, — напоминает Лесли. Он самый старший, ему лет двенадцать.

Дик набирается храбрости.

— Скажите, пожалуйста, мистер, — спрашивает он меня очень вежливо и осторожно, — вы из какой страны?

— Из Советской России, — отвечаю я и вижу, как Колин поднимает брови, Лесли поворачивается ко мне, а у Дика на мгновение глаза становятся совершенно круглыми, — из Ленинграда. Ты что-нибудь знаешь, Дик, о Советской России?

— Вы запустили спутник! — выпаливает Дик. — И лунник!

— Совершенно верно, — отвечаю я. — Вот вам значки со спутником.



*Корлевский  
свардеец*



BANK  
LIMITED



Полицмен

Они берут значки и кладут их на ладони. Они рассматривают их так, будто значки живые и вот-вот убегут. Молчаливый Лесли широко улыбается.

— Спасибо.

Прикалывают значки. Косятся на них.

— Дик, может быть, ты знаешь еще что-нибудь?

Дик с готовностью кивает, откашливается и торжественно объявляет, как будто название стихотворения:

— РОССИЯ.

И сейчас же переходит на скороговорку.

— В России очень долгие зимы... долгие зимы. Снега выпадает столько, что он не тает до будущей зимы. Поэтому территория России еще не освоена русскими. Промышленность и сельское хозяйство развиты слабо. Любимые занятия русских — охота на белых медведей и посещение балета.

Колин интересуется:

— Вы убили белого медведя? Это страшно? А чем их убивают?

— Послушай, Дик, — отвечаю я вопросом, — вы это учите в школе? Это говорил учитель?

— О да! — кивает Дик. — Когда запустили лунник, мальчики задавали много вопросов о России, и мистер Чипс нам объяснил. Мистер Чипс знает все на свете.

— Кто это — мистер Чипс?

— Старший учитель. История, география, латынь.

Я разглядываю школьный герб на грудном кармане Дика. Три дракона с высунутыми языками и латинский девиз «Рерум когноскере каузас», «Познай причины вещей».

— Дик, что значит ваш герб?

— Это драконы, — объясняет Дик. — Три дракона.

— Почему у них высунуты языки?

— Н-не знаю...

— Они увидели мороженое, — предполагает Колин.

— Ты знаешь, что это за девиз?

— Да.

— Так вот, если у каждой вещи есть причина, — говорю я медленно и отчетливо, — значит, есть причина и тому, что Советский Союз запустил спутник раньше всех других стран.

— Это верно, — соглашается Лесли.

— Но ведь мистер Чипс знает все на свете, и он говорит, что в России отсталая промышленность, — удивляюсь я. — Может быть, спутника вовсе и не было?

— Был, — заявляет Колин. — Я его сам видел.

— И потом — снег! — жалуюсь я. — Мистер Чипс говорит, что у нас круглый год не сходит снег. Просто счастье, что я успел загореть у себя в Ленинграде.

Ребята внимательно разглядывают меня.

— Да, вы загорели, — подтверждает Дик. — Ленинград где-нибудь на юге?

— Ленинград много севернее Лондона. Спросите мистера Чипса, он все знает.

— Значит летом у вас жара, — размышляет вслух Колин. — А как же белые медведи? Им жарко!

— Им меняют воду, — говорю я.

— Как? — изумляется Колин. — ВСЕМ белым медведям меняют воду? Но ведь надо очень много воды! Как это делают?

— Не так уж много, — успокаиваю я Колина. — Белых



Газетчик



медведей в Ленинграде всего три или четыре. Правда, водоем у них в зоопарке большой, но это все-таки не озеро, не река.

— В зоопарке? — Колин разочарован. — Значит, вы у себя дома не охотитесь на белых медведей?

— На них охотятся далеко на севере, в Арктике, — объясняю я. Колин задумывается. У него все перевернулось в голове, и он старается представить себе Россию. Я спрашиваю Дика:

— Ты любишь читать книжки?

— Не очень-то — признается Дик. — Я больше люблю кино. Чтобы стреляли. Джек-убийца.

— Может быть, лучше — Робин Гуд? — осторожно спрашиваю я.

— Робин Гуд — это давно, — отрезает Дик. — А Джек — сейчас. Вот, знаете, он входит в темную комнату. И вдруг на него бросаются сразу трое. А он подставляет нож...

Еще немного — и Дик увлечется.

— Погуляем? — предлагаю я Лесли и Колину.

Мы выходим за ограду и оказываемся на площади Тринити.

Воскресенье! Полным-полно народу! Киоски торгуют мороженым, жареными каштанами, сувенирами, открытками, бананами, горячими сосисками и пистолетами, стреляющими водой. Торгуют и американским лимонадом — кока-кола, но лондонцы его не пьют. Американцев и все американское в Англии не любят.

Седые музыканты тягуче и хрипло играют на волынках.

Толпятся девочки-скауты, все в полувоенной форме, со скучающими лицами. Возле них суетится толстая начальница. Бесконечной вереницей стоят разноцветные автобусы — их пассажиры на экскурсии в Тауэре.

Человек огромного роста ведет на цепочке крохотный мохнатый шарик — комнатную собачку.

Две монашки, одетые в черное, с громоздкими черными покрывалами на головах, пьют из бумажных стаканчиков горячий черный кофе, стараясь не запачкать белые крахмальные воротники.

И всюду, всюду среди светлых костюмов мелькают темнокрасные, синие, полосатые куртки школьников.

— Смотрите! — настораживается Дик. — Толпа! Что что-нибудь интересное!

В середине площади возвышение. Там плотная толпа. Слышен смех.

Мы пробираемся в середину.



*Ричард Уэст, сын рабочего*



*У каждой школы своя форма*





Дом в Стратфорде, где родился Шекспир

В свободном кругу работают бродячие актеры. Один из них — загорелый худощавый человек в сером комбинезоне.

Другого рассмотреть нельзя, — он лежит на земле, туго спеленутый белой тканью, обмотанный блестящими цепями.

Худощавый актер объявляет:

— Сейчас мой мальчик разорвет эти превосходные прочные цепи! Но для этого ему нужно набраться сил! Помогите мальчику, положите что-нибудь в шанку, и вы увидите, как мальчик порвет эти превосходные прочные цепи!

Актер обходит круг. Сбор плохой. Редкие монеты со звоном падают в шанку.

Колин и Дик смотрят во все глаза. А Лесли... Лесли вдруг поворачивается и начинает выбираться из толпы.

Только у входа в ограду Тауэра я догоняю его. Лесли спокоен, но лицо у него грустное.

— Прошу прощения, мистер, вы, конечно, не знаете... У меня есть причина.

— Это твое дело, Лесли. Но, может быть, расскажешь?

Лесли немного колеблется.

— Видите ли, мистер... Мой старший брат тоже зарабатывает деньги на улице. Он скрипач.

Лесли ждет, что я скажу. Внимательно на меня смотрит.

— Да, Лесли, — говорю я медленно. — Твой брат молодец. Я хотел бы с ним подружиться.

— Вы не знаете Грэма! — оживает Лесли. — Он очень хорошо играет. Через полгода он будет настоящим скрипачом. Вот только, понимаете, сейчас у нас не хватает денег. Отца нет, мать работает целыми



Шотландский студент



Девочки в форме — герлскауты. В Англии много детских буржуазных организаций



Уличный музыкант





*Этот старик с утра до вечера таскает щиты с рекламой зонтиков*

днями, но ведь надо и за меня платить в школу, и за Грэма в музыкальный колледж. Это дорого... Грэм все время работал в одной таверне в Степни, мыл тарелки. Но там все время в чаду, и руки портятся от мыльной воды. Скрипачу нельзя. И вот теперь Грэм играет по вечерам на Оксфорд-стрит. Это все из-за денег, вы понимаете, мистер...

Я хочу многое сказать Лесли, но по дорожке уже бегут Колин и Дик. У каждого в руке — розовые пирамидки мороженого. Свободными руками они машут нам.

— Разорвал! — сообщает Дик, тяжело дыша. — Там подошли какие-то моряки и надавали ему денег. Повезло! Шиллингов восемь, не меньше. И мальчик разорвал цепи. В трех местах. Весь напряжился и разорвал!

Три джентльмена усаживаются на пушку и принимаются за мороженое. Они принесли порцию Лесли. Я отказался, и мое мороженое съест Дик.

Все так же по-воскресному кипит площадь Тринити, течет толпа в Тауэр, неподвижный стражник в красном камзоле провожает глазами входящих.

А мальчик-актер порвал цепи. Я рад за него. Пусть и Грэм, старший брат Лесли, порвет ту цепочку, которая не пускает его в музыку. Кто знает, может быть, к тому времени, когда три джентльмена станут взрослыми, на свете совсем не останется ни маленьких цепочек, ни больших цепей...

Всего хорошего, джентльмены!

Лондон — Ленинград



*Мемориальный музей Бернса в Шотландии*



# По следам

# M. P.

Б. Раевский и А. Софьин

Рисунки Г. Праксейна

Среди множества русских, немецких и украинских имен ребята наткнулись на двух поляков: Казимира Красиньского и Казимира Солтыса. Вскоре Генька нашел еще одного Казимира — Жимского, а потом Оля обнаружила сразу двух Казимиров — Газду и Буткевича. В общем, студенты, носившие имя Казимир, оказались в четырех списках из пятнадцати просмотренных следопытами.

Но ребят это не особенно порадовало: история с Модестом Рубакиным, как заноза, засела у них в голове.

— Кто их знает, может, они тоже... эти самые... «верноподданные», — выразил общую мысль Генька. — И потом, вон их сколько!.. Пойми, кого М. Р. вспоминал!

— А может, вообще не их? — подбавила масла в огонь Оля.

Старый архивариус быстро снял с полок личные дела всех найденных ребятами Казимиров.

Вскоре выяснилось, что Казимир Буткевич утонул в своем родном поместье за месяц до окончания института, о чем сообщало хранившееся в деле письмо его отца, графа Казимира Буткевича-старшего. Казимир Газда был отчислен за неуспеваемость сразу же после первого курса, а Казимир Солтыс, женившийся после окончания института на столбовой дворянке, принял православие и служил столоначальником в Горном департаменте. Никаких указаний на возможность знакомства с революционером М. Р. в этих делах не оказалось.

Ничего интересного не нашли ребята и в личном деле Казимира Красиньского: занимался — удовлетворительно, окончил институт — удовлетворительно, служил — на заштатном руднике, к стосорокалетнему юбилею института удостоен нагрудного жетона. Всё.



Зато пятая папка — личное дело Казимира Жимского, мещанина из города Вильно, католика, родившегося в 1874 году, поступившего в Горный институт в 1893 году, проживавшего в Петербурге, в Рождественской части, на Песках, по 6-й Рождественской улице, в доме госпожи Уткиной — оказалась объемистой. Ребята даже не успевали до конца прочитывать каждую страницу, так быстро листал их увлекшийся Леонид Константинович. Старый архивариус наметанным глазом сразу схватывал суть документа и скороговоркой излагал его содержание:

— Вот, видите, запрос департамента полиции — интересуются поведением мещанина Жимского. Ответ институтского начальства — студент Жимский избран казначеем польского землячества, замечен за чтением сочинения господина Маркса «Капитал», изданного в Киеве и согласно циркуляру за № 4479/P,



подлежащего изъятию из казенных и частных библиотек. Ага, вот еще: рапорт студенческого инспектора титулярного советника Шебуева: на богослужении в память об убиенном императоре Александре Втором студент Жимский неблагопристойно улыбался. Ишь, какой грех великий, скажите, пожалуйста!

— А это что? — спросила Оля, указав на бланк с жирным печатным заголовком: «Министерство внутренних дел. Санкт-Петербургское охранное отделение».

— О, это кажется посерьезнее улыбок на панихиде. Вот, видите, охранное отделение сообщает начальнику института, что студент Жимский был взят под стражу, допрошен по делу № 788/А/26 и, ввиду отсутствия доказательств о соучастии в преступлении, освобожден из-под стражи с отобранием у одного Жимского подписки о невыезде из Петербурга. И дальше опять запросы, запросы, запросы... Странно, что в институте его оставили. А впрочем — вот и объяснение: поручительство профессора Иностранцева. Учитывая исключительные способности... прилежание... так, так... несет полную ответственность... Молодец, Александр Александрович, не побоялся взять на поруки.

Ну, дальше ничего особенного: выдан диплом, так, список научных трудов, прохождение службы. Вот видите, уже после революции письмо в институт пришло: Борис Казимирович Жимский сообщает о смерти своего отца, бывшего студента, а впоследствии инженера. Обратите внимание: адрес тот же самый — 6-я Советская, это же бывшая 6-я Рождественская. Завидное постоянство.

С этими словами Леонид Константинович закрыл папку и, вздохнув, добавил:

— Трудная была юность у человека. И сколько таких судеб в этих папках. А говорят: архивная пыль, архивные крысы. Несправедливо это, молодые люди, как хотите, но — несправедливо.

Старый архивариус разгорячился, вступив в спор с воображаемыми противниками, но, убедившись, что ребята вовсе и не думают возражать, быстро успокоился.

— Вы б, пока суть да дело, записали, о чем здесь говорится, — посоветовал он. — Настоящий историк-следопыт, как и его собрат следопыт-разведчик, должен удерживать в памяти все, что удастся выяснить. Неизвестно ведь, что именно даст ключ к решению загадки. Поэтому как можно больше запомните, запоминайте и записывайте.

— Уже, — поднял голову Генька, успев-

ший во время речи Леонида Константиновича нацарапать что-то в помятом блокноте.

— Что? — не понял архивариус.

— Уже записал. Вот. — И Генька не без гордости показал Леониду Константиновичу свою запись.

— Записал, да мало, — покрутил головой старик. — «Жимский Казимир, читал Карла Маркса, сидел в охранке». Нет, этого недостаточно, молодой человек. Вы уж, будьте любезны, и годы все отметьте, и адрес, и все прочие данные. Ни от какой крохи не отказывайтесь. Лучше раз записать, чем сто раз голову ломать...

Только убедившись, что все основные этапы жизненного пути Казимира Жимского оказались занесенными в Генькин блокнот, Леонид Константинович вернулся к тому главному делу, которое больше всего занимало ребят.

— Допустим, — начал он, — что найденный нами Казимир — тот самый, о котором вспоминал ваш М. Р. Повторяю: допустим.

— Допустим, — охотно согласились Оля и Генька.

— Можно также предположить, что М. Р. был однокурсником Жимского, или, по крайней мере, учился в институте в одно время с ним; тут они и подружились. Ведь в записках, если я вас правильно понял, сказано — «друг Казимир».

— «Эх, друг Казимир». — уточнил Генька.

— Вот, вот, — продолжал архивариус. — А что если еще раз посмотреть список набора 1893 года? Тот самый, в котором вы нашли Жимского? Может быть, вы недоглядели в этом списке вашего М. Р.? Кстати, фамилии на «М» вы смотрели?

— Нет, только на «Р», — ответила, недоумевая, Оля. — А что?

— Так ведь инициалы могли быть перевертышем: сперва «М» — фамилия, а потом «Р» — имя. А ну-ка, посмотрим...

Однако среди людей с фамилиями, начинающимися на «М», не оказалось ни одного Романа, Ростислава или Роберта. Инициалов «М. Р.» не получалось. Ребята, немного раздосадованные тем, что им самим не пришлось в голову перевернуть буквы, были даже чуть-чуть рады этому.

Но Леонид Константинович не выпускал из рук списка 1893 года. Медленно читал он страницу за страницей, вглядывался в каждую запись, просматривал некоторые из них на свет и, как показалось ребятам, даже за чем-то понюхал какую-то особенно привлекающую его внимание страницу. Дойдя до фамилий, начинавшихся на «Р», Леонид Констан-



тинович вдруг резко нагнулся к папке и, повернувшись к ребятам, воскликнул:

— Позвольте! Почему раньше меня не позвали?!

— А зачем? — удивилась Оля.

— Да посмотрите же, под номером шестьдесят седьмым нет записи. Она зачеркнута, тушью зачеркнута!

— Ну и что? — так же недоуменно отозвалась Оля. — И в других списках были зачеркнуты строчки.

— А чем зачеркнуто было, вы разглядели? — продолжал допытываться архивариус.

— Чернилами, кажется... Фиолетовыми...

— Вот видите! А здесь — тушью! И не зачеркнуто даже, а залито сплошь, и подтеки остались. Это не зря. Вы — следопыты, а мимо следа прошли, прозевали.

— А какой же это след? Напутали, наверно, потому и зачеркнули. Да и все равно нам теперь не прочесть, — попробовал оправдаться Генька.

— Скороспелый вывод, молодой человек. Так канцелярские ошибки не исправляли. И насчет того, что прочесть нельзя, тоже ошибаетесь. Слава богу, не при царе Горохе живем!.. Приходите завтра, я вас сведу в одно волшебное заведение. Там нам помогут...

...На следующий день в школе Оля с Генькой только и говорили о предстоящей поездке в «волшебное заведение». Витина парта стояла как раз перед Генькиной. И он все, конечно, слышал.

— Там, наверно, криминалисты работают, — нарочно громко объяснял Оле Генька. — Они любого фокусника затюкают! Сожги документ, а пепел им принеси — прочитают! Чесное слово!

Витя настороженно слушал. Жаль, что поссорился. Вот бы и ему туда сходить. Неужели ребята напали на верный след?! Откроют все без него — вот обида!

После уроков Витя смущаясь подошел к Геньке и Оле:



— Можно и я...

— Ха! — Генька презрительно усмехнулся. — Как на готовенькое — тут как тут, а как трудно — бежать?

Витя стоял, опустив голову. Молчал, не оправдываясь. Генька и Оля еще долго ругали его, называли и трусом, и изменником, а он все так же молчал. Наконец Оля сжалась:



— Трижды повтори: «Я — клятвопреступник! Позор на мою голову!» Тогда простим.

Витя охотно обозвал себя клятвопреступником.

— А еще раз нарушишь клятву — пощады не жди! — добавил Генька.

Домой ребята возвращались уже вместе.

## Глава V

### ЧУДО НА ЭКРАНЕ

Собраться решили на трамвайной остановке.

Витя, пообедав, зашел за Генькой и увидел его во дворе. В углу, возле железного гаража, стояла автомашина с открытым капотом. Какой-то мужчина копался в двигателе — были видны только его ноги и широкая, как шкаф, спина. А Генька — без тужурки, с засученными рукавами, чуть не по локти измазанный маслом, — с увлечением помогал ему.

— Мамина машина? — спросил Витя.

Весь класс знал, что Генькина мать — водитель такси.

Генька презрительно передернул плечами:

— Протри глаза! А шашечки где? — Это — соседа. Вот его, — руки у Геньки были заняты, он подбородком указал на мужчину, регулирующего мотор. Голова мужчины все еще не была видна; из-под капота слышалось только сопение и постукивание ключа.

— Хорошая марка, — вежливо похвалил Витя, потрогал сверкающую металлическую полосу возле багажника. — А эта штука... никелирована... да?

— Не марка, а модель, — снисходительно поправил Генька. — Не «штука», а бампер! И не никелирована, а хромирована. Эх, ты, темнота!

Витя терпеть не мог, когда Генька задавался. Но сегодня он даже рад был этому. И нарочно поддерживал беседу об автомобилях — ведь Геньку хлебом не корми, только дай поговорить о машинах. Витя нынче хотел подладиться к товарищу, чтобы хоть как-то загладить свою вину.

Генька вытер руки грязной ветошью и повернулся к машине:

— До свиданья, Михаил Федорович!

— Счастливо, — глухо ответил мужчина, так и не показываясь из-под капота.

Вскоре Витя с Генькой — умытым и переодетым — уже торопливо шагали к трамвайной остановке.

— А вообще — глупо, — на ходу горячо доказывал Генька. — Зачем мы всюду вместе шляемся? Обязательно втроем? Лишняя тра-

та времени. Мог бы кто и один в Горный съездить...

— Вполне, — поддержал Витя.

— Это всё Оля. Девчонские привычки. Девчонки любят всё толпой. В столовую — толпой. На переменах — толпой. Гулять — толпой. Чтобы болтать по дороге.

— Вполне, — опять согласился Витя и подумал:

«А ведь он был бы хорошим звеньевым. Уж лучше, чем Оля. Факт!»

Старик-архивариус, очевидно, уже ждал ребят. Он сразу засеменил к стоявшей в углу вешалке, снял с нее легкое пальто, широкополую шляпу, в которой совсем утонула его круглая белая голова, и направился к выходу, захватив со стола папку с зачеркнутыми строками.

— Пойдемте, пойдемте! Скорей! — бросил он ребятам на ходу. — Тут недалеко...

Ребята, еле поспевая за торопливым стариком, миновали несколько улиц, и вскоре перед ними оказался небольшой старинный дом с типичной ленинградской окраской: белые колонны подчеркивали желтизну гладких стен. Возле тяжелых дубовых дверей с зеркальными стеклами виднелась дощечка: «Лаборатория консервации и реставрации книг и документов».

— Вот, — повернулся к ребятам Леонид Константинович, — это и есть самое настоящее волшебное царство. Здесь такие маги и чародеи!..

Когда Леонид Константинович в сопровождении ребят вошел в кабинет заведующего лабораторией, навстречу из глубокого кресла поднялся человек невероятного роста. Казалось, этому человеку приходится все время приспосабливаться к обычной людской обстановке: стол у него был слишком высокий, кресло слишком глубокое, и даже люстра висела слишком близко к потолку, чтобы не мешать хозяину кабинета. Увидев Леонида Константиновича, огромный человек улыбнулся во весь свой огромный рот и, согнувшись почти пополам, долго жал и тряс руку старому архивариусу, привыкшему, видимо, к этой процедуре.



— Вот, Георгий Христофорович, извольте видеть, наша будущая смена, красные следопыты. Заняты делом государственной важности, и меня, старика, согнали с насеста, — прервав, наконец, затянувшееся рукопожатие, произнес Леонид Константинович.

— Очень, очень рад, — пробасил гигант, усаживая гостей за свой огромный стол. — Вы у нас теперь редкий гость, Леонид Константинович: плесени у вас нет, жучка вы к себе на порог не пускаете, все дела у вас до листика разобраны, так что наша помощь вам теперь до скончания века не потребуется.

— Вот и не зарекайтесь, Георгий Христофорович, как раз у нас оказалось дело по вашей части. Извольте посмотреть. — И он развернул перед глазами ученого-реставратора папку с залитыми тушью строчками.

Георгий Христофорович молча взял папку. В его огромных, как лопаты, руках листы бумаги казались маленькими, хрупкими. Вот-вот он сомнет их, покалечит. Но нет — эти темные жилистые руки, руки грузчика, борца, землероба, видимо, привыкли обращаться с бумагой, — осторожно и нежно переворачивали они страницы.

Георгий Христофорович разгладил чуть покоробившиеся листы, посмотрел бумагу на свет, поскреб тонким ножичком угол черного пятна и, собрав на стеклянную пластинку крупницы осыпавшейся туши, капнул на них какую-то жидкость. Результаты пробы, видимо, оказались благоприятными. Он вышел из-за стола и жестом предложил всем следовать за ним.

В просторных помещениях, освещенных лампами дневного света, работали люди в белых халатах. Проходя мимо них, ребята успели заметить стопки книг в старинных кожаных и холщевых переплетах, кипы заплесневелых бумажных листов и пожелтевшие свитки с подвешенными к ним огромными сургучными и свинцовыми печатями. Иногда виднелись обрывки бересты, полоски пергамента и еще какие-то предметы, в которых трудно было сразу разобраться.

Открыв узкую дверь, обтянутую плотной материей, Георгий Христофорович пропустил Леонида Константиновича и ребят в небольшую, лишенную окон, комнату. Яркий молочно-белый свет невидимых ламп отражался от невысокого потолка. Вдоль стен и посреди комнаты стояли не знакомые ребятам приборы.

— Вить, там в углу не микроскоп? — шепнула Оля.

— Нет. Видишь — гармошка. Как у «Фотокора», — так же шепотом ответил Витя.

Георгий Христофорович указал своим гостям на стулья, окружавшие небольшой стол.

— Вы, конечно, поняли, — это наш фотоцех, — начал он. — Причем цех особенный. Нам ведь приходится снимать не только видимое, но и невидимое. Вот и в вашей папке нужно проникнуть сквозь видимую тушь и прочесть невидимые чернильные строки. Ну что ж, попробуем, — и, протянув свои огромные руки, Георгий Христофорович вытащил из дальнего угла и придвинул поближе тот самый прибор, который заинтересовал Олю. Вслед за прибором, извиваясь, поползли гибкие электрические шнуры.

Взяв со стола раскрытый список студентов, Георгий Христофорович укрепил его на планшете, а затем начал медленно вращать установочный винт, перемещая гармошку, нависшую над планшетом.

— Ну вот, резкость обеспечена, — объявил он, выпрямляясь. — Теперь дадим свет.

Щелкнула кнопка, и из фонаря, похожего на фильмоскоп, ударил яркий зеленый луч. Все остальные лампы погасли, потолок и стены комнаты погрузились в темноту, и только лист, растянутый на планшете, поблескивал в зеленом свете фонаря.

Вставляя в аппарат кассету с пластинкой, Георгий Христофорович продолжал свои объяснения:

— В этом зеленом свете бумага и то, что на нее нанесено, начинает испускать особые, не видимые глазом лучи. Если их сфотографировать на специальной пластинке, то разные лучи дадут разное изображение: излучение чернил всегда бывает гораздо сильнее излучения туши. Поэтому чернила окажутся на снимке ярче, чем залившая их тушь. Понимаете?

— Понимаем! — за всех откликнулась Оля.

Витя и Геняка промолчали. Насчет лучей, по правде говоря, было неясно: разве тушь испускает лучи? Черная тушь? Но ребятам не терпелось быстрее прочитать зачеркнутое, и они не хотели задерживать Георгия Христофоровича всякими разговорами.

— Внимание, — скомандовал он. — Съемка! Зажужжал затвор, на несколько секунд все, как по команде, задержали дыхание, и, наконец, вторичное жужжание затвора возвестило, что съемка окончена.

— Подождите меня в кабинете, сейчас проявлю негатив, — сказал Георгий Христофорович. — Это недолго.

Когда вся компания снова оказалась за высоким столом в его кабинете, он вставил пластинку в проекционный аппарат и направил его на экран.

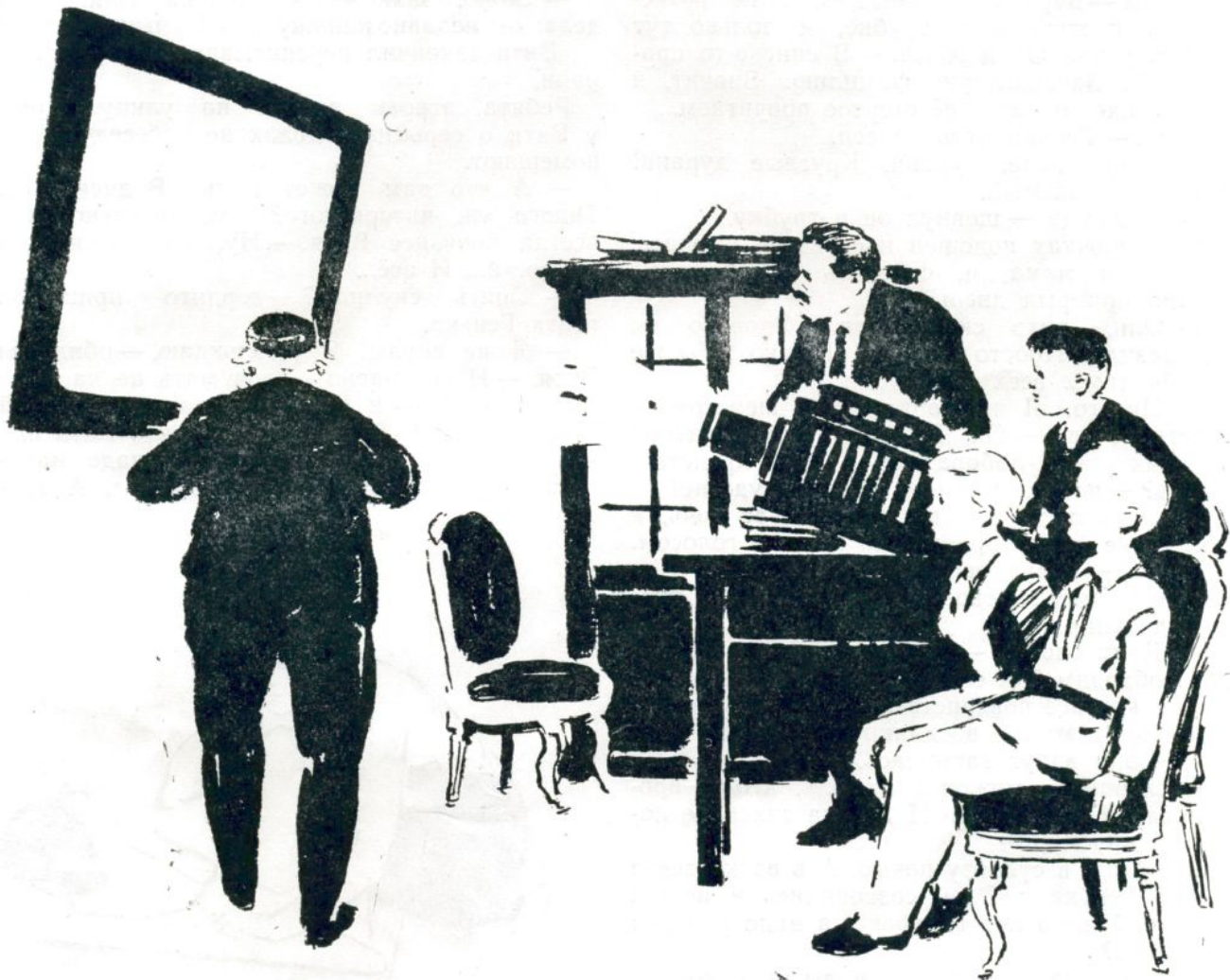


Изображение сперва было расплывчатым, потом обрело необходимую резкость. Ребята с нетерпением следили за каждым движением реставратора.

Перед ними на экране появился уже знакомый лист архивного дела. Тот же искусный канцелярский почерк, те же ровные линейки, отделяющие одну запись от другой. Но чер-

«№ 67: Рокотов, Михаил Петрович, мещанин, уроженец Мологи, православный, родился в 1873 году, поступил в институт в 1893 году, проживает в Коломенской части, на Большой Мастерской улице, в доме купца Бутова».

И сбоку, справа, уже другим, сбивчивым почерком, была сделана приписка:



ной полосы, пересекавшей раньше середину страницы, больше не было. Вернее, почти не было — на месте ее оказалось светло-серое пятно.

— Ой, — прошептала Оля.

Генька от волнения даже закусил губу.

Реставратор слегка поворачивал какой-то винт, и на экране поверх пятна все четче и четче проступали невидимые ранее строки:

«По велению Государя Императора исключен из списков института, как государственный преступник. 1898 год. Генваря 7-й день».

— Это он, — прошептал Генька.

— Он! — охнула Оля, прижав руки к груди.

— Он! — внезапно охрипшим голосом повторил старичок-архивариус. — И звали его, значит, Михаил Рокотов.



## ОПЯТЬ ТУПИК

Ночью зазвонил телефон. Генька очумело вскочил с кровати и, не зажигая свет, нащупал трубку.

— Дураки!

— Что??

— Мы — дураки! — отчетливо, хотя и негромко повторили в трубке, и только тут Генька узнал Олин голос. — В списке-то прочитали?.. Зачеркнутую фамилию. Значит, и в дневнике можно. Всё стертое читаем...

— О! — Генька чуть не сел.

В самом деле, дураки. Круглые дураки! А еще следопыты!..

— Подожди, — шепнул он в трубку.

На цыпочках подошел к соседней комнате, где спала мама, и, стараясь не скрипеть, плотно прикрыл дверь.

— Оля, — тихо сказал он. — Здорово ты сообразила! Просто здорово! Только... Ты же у себя там... всех разбудить...

— Ничего. Я из коридора. Я шепотом, — ответила Оля. — Ой, Генька! Завтра отнесем дневник в лабораторию и, — представляешь? — все-все узнаем! Ой, как чудесно!

Она, очевидно, забыла, что сейчас ночь, и последние фразы произнесла полным голосом.

— Ой! — вдруг воскликнула она. — А обещание?! Отцу-то твоему дали слово не трогать дневник?

— Дали слово?! — зашипел Генька. — А если необходимо? А если так лучше? Мы же не знали, как все повернется...

— Но это... — воскликнула Оля. — Это же... — она вдруг запнулась.

Послышался мужской кашель, кто-то прохрипел: «Безобразие!» И Генька тихонько положил трубку...

Это было в субботу ночью. А в воскресенье утром Генька с Олей созвонились и пошли к Вите. У него нет телефона, а надо решить: как быть?

...Витя сидел за столом, и высунув кончик языка, писал.

— «Макинтош» или «мокинтош»? — вдруг спросил он.

— «Ма», — неуверенно сказала Оля. — А может, «мо»? От слова «мокнуть»?

Генька на всякий случай промолчал.

— Все-таки нет у нас настоящей заботы... о детях... — Витя вздохнул. — Вот не знаешь, как писать... и ляпай ошибку. А в Румынии... набрал «8» по телефону... «Как пишется «макинтош»? И тебе сразу — «ма».

— Как же это?

— Там дежурный учитель сидит. И прямо по телефону... Еще растолкует, почему «ма», а не «мо».

— Что ты все Румынию тычешь? — удивился отец. — Вчера приехал из Бухареста, да?

— Знаю, знаю! — воскликнула Оля. — Видела: он недавно книжку про Румынию читал!

Витя закончил переписывать и убрал тетради.

Ребята втроем вышли на улицу. Дома у Вити о серьезных делах не побеседуешь — помешают.

— А что там может быть? В дневнике... Такого уж интересного? — медлительно, как всегда произнес Витя. — Ну, выяснятся подробности... И всё...

— Опять скулишь? — сердито прищурил глаза Генька.

— Я не скулю. Я рассуждаю, — обиделся Витя. — И все равно — твоя мать не даст...

Вечером Оля и Генька говорили с Ольгой Никифоровной. Генька ожидал, что мать или вовсе откажет, или заявит, что надо написать отцу, спросить его разрешения. А спо-





рять с ней бесполезно: уж кто-кто, а Генька знал крутой характер своей матери.

Однажды, например, в машину к матери сел пьяный. Крутил-петлял по всему городу, а потом отказался платить. И хотя пьяный был высокий, дюжий, а мать — маленькая, тоненькая — она не растерялась, не испугалась, дала газ и прямо на машине доставила хулигана в милицию.

А то еще Генька как-то попробовал шить на швейной машине. Ногами разогнал педаль, да с ходу и прострочил себе палец.

— Мам! — отчаянно выкрикнул он.

Ольга Никифоровна вбежала в комнату, увидела белое лицо сына, его неловко повернутую руку и палец, проткнутый насквозь. Другая бы заплакала, заохала, а она молча подскочила к сыну и плавно повернула колесо. Игла вылезла из пальца...

...Да, мать с характером! И Генька ничего хорошего не ждал от разговора с нею.

Но все обошлось быстро и просто. Ольга Никифоровна молча выслушала рассказ ребят о дневнике, о Горном, о чудесной лаборатории, вынесла из соседней комнаты маленький ключик на витом черном шелковом шнурке и открыла «сейф».

— Только, ребята, давайте договоримся, — сказала мать. — Чур, не подведите меня. Отнесете в лабораторию и потом обратно. И больше — не трогать. Так?

— Так! — горячо откликнулась Оля. — Честное пионерское, так!

...Однако радость ребят была преждевременной. На следующий день, прежде чем ехать в лабораторию, Оля позвонила Георгию Христофоровичу.

— Нет, — сказали ей. — Заболел.

— Как заболел? — изумилась Оля.

Георгий Христофорович — такой огромный, такой сильный!.. Девочка просто не могла себе представить, что этаким богатырь вдруг схватил ангину или грипп!

— Повторяю — болен, — сердито произнесла женщина и положила трубку.

Ребята задумались. Как быть? Везти дневник в лабораторию? Но без Георгия Христофоровича их даже не пустят туда. И никто не захочет делать работу для посторонних ребят.

— Придется ждать, — вздохнул Генька.

Ребята сидели озабоченные, растерянные. Ждать — это всегда тяжело. Оля подняла глаза вверх, задумалась. Постепенно ее лицо перестало хмуриться, посветлело.

— Я вот сейчас старалась представить себе: какой он — Михаил Рокотов? — мечтательно сказала она. — Какое у него лицо.



глаза... Наверно, он был высокий, стройный. Волосы длинные, волнистые, небрежно закинуты назад. Взгляд острый, орлиный, и нос тоже орлиный. И еще: говорил он очень складно, так красиво говорил, что слушатели даже плакали. Да, да, я читала, в древности были такие ораторы: как заговорят о чем-нибудь жалобном, хоть двести человек слушают, — все двести плачут. А одевался Рокотов, наверно, так: широкая, свободная черная блуза, как у артиста, и широкополая мягкая шляпа. А вместо брюк — черные рейтузы...

— Чепуха! — крикнул Генька. — Рокотов был смелый, сильный! Любого — раз! — и на лопатки. И на саблях, наверно, лихо рубился. И по канату, как кошка, лазил. Иначе ему бы через забор не перемахнуть. А стрелял, наверно, как!.. Десять пуль — одну в другую вколачивал! И всех сыщиков запросто обводил...



— Вы оба... словно маленькие, — сказал Витя. — Высокий Рокотов или низкий? Какая разница? Вот Ленин... невысоким был... Ну, и что? И орлиный нос... вовсе не обязательно... Важно, что Рокотов справедливым, ко-

пы, поднимали воротники и засовывали руки в карманы. Но Оля шла в чудесном настроении. Еще бы! На слете к ней обратился пожилой полковник-чапаевец, начальник районного штаба К. С., и поручил зачитать пе-



нечно, был. И людей... народ свой... любил. Вот, это главное!

Оля и Генька сразу согласились: «Да, это главное!»

\* \* \*

Оля возвращалась из Дома пионеров. Только что кончился районный слет красных следопытов.

Был сильный ветер и мелкий дождь. Прохожие хмурились, поглубже надвигали шля-

ред строем пионеров текст приветственной телеграммы. И кому? Самому шефу следопытов, маршалу Буденному! Вот повезло!..

Рядом с Олей шагали еще семеро ребят — делегаты от их школы.

— И до чего же некоторые ловки, — ядовито сказала одна из девочек, Надя. — Даже приветствуют Буденного почему-то именно они...

— Неправда! — крикнула Оля.

— И звено-то у нее не простое, — осо-



бое! — ехидно продолжала Надя. — Особое, а ничего не делает!

Это было уж совсем несправедливо, и ребята вступились за Олю. Но ссору потушить не удалось.

— Побольше твоего делаем! — зло крикнула Оля. — Если хочешь знать — мы уже разгадали тайну дневника. И кто писал — нам известно...

— Ничего вам не известно! Хвастунья!..

— Нет, известно! — разгорячилась Оля. — Знаете, кто такой М. Р.?

— Ну кто? Кто?

— М. Р. — это революционер, Михаил Рокотов. Царь велел его во всех списках зачеркнуть, чтобы даже памяти о нем не осталось. Будто его никогда и не было на свете. А мы замаранную строчку все же прочитали. Вот! — Оля гордо обвела всех взглядом. — Ну, кто хвастунья?

\* \* \*

На следующий день, как только Генька пришел в школу, в раздевалке к нему бросился Яшка — тощий, рыжий парнишка, его одноклассник.

— Значит, Михаил Рокотов? Да? Вот здорово! — закричал он.

Генька остолбенел.

— А ты... Откуда знаешь?

Это был строжайший секрет. Они с Витей и Олей договорились, пока не разузнают все точно, попусту языком не трепать. И вот, пожалуйста...

— Как откуда? Оля...

«Ах, Оля! — Генька, не слушая больше, повернулся и побежал разыскивать Витю. — Нет, так это не пройдет! Вот болтунья!»

После уроков они втроем остались в классе.

— Итак, сбор особого звена считаю открытым, — сказала Оля. — Только не знаю, для чего мы собрались?

— А вот для чего, — насупился Генька. — Ты говорила Яшке о Михаиле Рокотове?

— Видишь ли, — растерялась Оля. — Дело было так...

— Говорила или нет? — резко перебил Витя.

— Понимаешь, идем мы вчера... — Оля даже запиналась. Щеки ее побледнели. — Идем мы, значит, со слета!..

— Говорила или нет? — хмуро перебил Генька.

— Говорила, но...

— Всё! — Витя встал. — У нас еще нет... звеньев... — Он нарочно так сказал, хотя звеньевой с общего согласия считалась Оля. — Предлагаю избрать Башмакова.

Оля молчала.

— Кто за? — спросил Витя и первым поднял руку.

Оля подумала-подумала и, закусив губу, тоже подняла руку.

\* \* \*

Шел урок литературы. Глафира Степановна рассказывала о былинах.

Сперва Генька с интересом слушал о могучем Илье Муромце и бесстрашном Добрыне Никитиче. Но потом голос Глафиры Степановны стал словно затихать и удаляться. Генька думал уже о другом.

«Что же дальше? Ну, хорошо — его зовут Михаил Рокотов. Ну, и что?»

Впереди опять был тупик. Личное дело студента Рокотова разыскать не удалось. Впрочем, опытный старичок-архивариус и не надеялся найти его. Если даже фамилия Рокотова во всех списках так тщательно залита тушью, то личное дело его, конечно, изъято или уничтожено.

«Тычемся, как слепые котята, — сумрачно думал Генька. — Оле это еще простительно: все-таки девчонка. А теперь, когда я сам — звеньевой... Нет, так дальше нельзя. Нужно действовать по плану».

Генька помнил, что во всех книжках следователи всегда действуют по плану. Преступник еще неизвестен, но они уже точно знают, что и когда делать. В субботу их вызывает начальник и с сожалением говорит, что отдыхать им не придется, так как получено срочное задание. В воскресенье они сидят в кабинете или на рыбалке и думают, а к понедельнику план готов: вора или шпиона нужно к среде заманить в засаду, а к пятнице полностью закончить операцию. Вот ловкачи!

Генька с завистью вздохнул.

«За что же все-таки можно зацепиться?»

Он стал снова вспоминать страницу за страницей Рокотовского дневника.

«До Байкала верст 400—500». Не так уж много. На машине Рокотов за день бы доехал. Хотя там тайга, горы — простая машина не пройдет, лучше вездеход. Правда, у него скорость меньше, но за два дня добрался бы...

— Башмаков! — вдруг донесся до Геньки голос Глафиры Степановны. Голос был строгий, резкий. Вероятно, учительница вызывала его уже второй или третий раз.

Генька встал.

— Повтори, какие богатыри изображены на этой картине?

Генька опустил голову.



— Илья Муромец, Добрыня Никитич... — медленно начал он. И запнулся.

Класс наполнился шипением.

— Поп... Але... Попов... — донеслись до Геньки обрывки слов.

Что-то знакомое мелькнуло у него в голове, и он, не раздумывая, выпалил:

— Олег Попов!

«Мямля! Разнюнился! А он... На каторге, в кандалах, один среди убийц и бандитов... И не хлюпал носом, не плакался...»

Генька даже рассердился на себя. Научился у Вити ныть. Позор!

После занятий он подстерег в коридоре Николая Филимоновича.

Своей единственной рукой учитель быстро



Дружный хохот прокатился по классу. Глафира Степановна с трудом сдержала улыбку.

— Опять не слушаешь, Башмаков. Прискорбно. — Она неторопливо обмакнула вставочку в чернила и раскрыла журнал.

«Двойка!» — на пальцах просигналили с первой парты.

Генька сел. Скверно. Ай да звеньевой! Но вскоре мысли Геньки опять вернулись к загадочному дневнику. Такие знакомые, крупные, угловатые, скошенные вправо цепочки букв...

«Все можно преодолеть, надо только хотеть, очень хотеть».

И сразу бросило в краску.

и как-то даже особенно ловко надел пальто, шапку. Вместе они вышли из школы.

— Напрасная паника, — сказал учитель, выслушав сбивчивый Генькин рассказ. — Вы расшифровали имя — значит, взят первый рубеж. Это уже важно. Очень!

Он закурил. И опять Генька отметил про себя, как ловко он одной рукой на ветру зажег спичку.

— Задирать нос, правда, у вас тоже нет оснований, — продолжал учитель. — Скажу честно — вам просто повезло: слишком легко открылось вам имя М. Р.

«Вот так легко!» — мысленно возразил Генька, но промолчал.



— Да, повезло, — повторил учитель. — Не будь в дневнике слова «Горный» — ох, попытели бы!..

«Ему словно жалко, что мы мало пытели», — с обидой подумал Генька, но опять ничего не сказал.

— А теперь, когда имя известно, дело уже проще, — продолжал Николай Филимонович. — Запросите архивы. Исторический архив в Ленинграде и в Москве. Это раз. — Он задумался. — Во-вторых, пойдите по следу Казимира. Может быть, в Ленинграде еще живут его потомки — проверьте. Это, конечно, трудно, но...

Сдвинув брови, он долго шел молча, попыхая папиросой.

— Наконец, можете в библиотеку сходить. В Публичную. Знаешь, где библиотека?

Генька кивнул. Он не раз останавливался возле красивого здания на углу Невского и Садовой.

— Там очень опытные библиографы, — продолжал Николай Филимонович. — Обратись к ним. Помогут.

Генька не знал, что такое «библиограф», но спрашивать постеснялся. «В библиотеке выясню», — решил он, стараясь не забыть мудреное слово.

Так они дошли до площади и свернули налево. Здесь и жил Николай Филимонович.

— Ну, вот. Вешать нос нет оснований, — сказал учитель. — Действуй!

## Глава VII

### ТРИ ПУТИ

Став звеньевым, Генька прежде всего решил «расставить силы». Николай Филимонович часто повторял:

— Главное в бою — правильно расставить силы и обеспечить их четкое взаимодействие.

Генька понимал: делать все «толпой» глупо. И самому за всех отдуваться тоже неразумно. Кого же куда направить?

«Самое тяжелое дело — архивы», — подумал он.

Николай Филимонович говорил:

— Командир всегда должен быть на самом трудном участке!

«Значит, за архив возьмусь я сам!» — постановил Генька.

В Публичную библиотеку лучше всего послать Витю. Его от книг не оторвешь. Ему в библиотеке самое место. А Оле достались родственники Казимира.

«И очень хорошо, — обрадовался Генька. — Мало ли кого расспрашивать придется! А у Оли язычок подвешен!»

Дав каждому задание, Генька взялся за архивы.

Первым делом он, по совету Васи Коржикова, составил письмо в Московский архив или, как сказал Вася, «отношение». Оказалось, написать отношение вовсе нелегко. Генька промучился целый вечер и, наконец, принес Васе такую бумагу:

«Пишет Вам наш отряд красных следопытов. Просим Вас помочь нам. Нас интересует жизнь и гибель нашего петербургского революционера Михаила Рокотова (конец XIX и начало XX века). Если у Вас в архиве есть хоть какие-нибудь документы об этом, очень

просим Вас переписать их для нас и срочно выслать нам копию.

Просим Вас не отказать нам в нашей просьбе.

Заранее благодарны».

«Заранее благодарны» — это Генька подглядел у отца. Тот часто кончал так свои письма. И всегда, обращаясь к кому-нибудь, писал «Вы» с большой буквы, хотя Генька не понимал, к чему это? Отец говорил — в знак уважения. А разве с маленькой это неуважение?

— Толково, — сказал Вася. — Только вот... — он стал что-то быстро подсчитывать. — Восемь «нам-нас» и пять «вам-вас».

— Чего? — не понял Генька.

— Я говорю: восемь раз у тебя встречается слово «нас» и пять раз — «вас». Не густо ли?

— Да неужели?! — Генька схватил листок и быстро пробежал его глазами. Вот так штука! Где только мог, повычеркал «нас-вас», переписал отношение и снова принес Васе.

— Толково, — сказал тот. — А как подпешем?

Насупил брови и быстро-быстро приписал внизу листка:

«По поручению отряда «КС» звеньевой особого звена Г. Башмаков».

— Так? — спросил Вася.

— Можно и так, — смутился Генька.

Получилось здорово, но как-то даже неловко: будто он, Генька, обращается от имени всего отряда и даже всей школы. Может быть, лучше, чтобы директор подписал? Или Николай Филимонович?



— Нет, — сказал Вася и на секунду задумался. — А если рядом с твоей фамилией поставить еще вторую подпись? И знаешь, чью? Полковника!

Генька даже покраснел: значит, письмо подпишут он и начальник штаба, полковник чапаевец? Лучше не придумать!

Так и сделали. Письмо для солидности перепечатали на машинке и передали в Дом пионеров. А через три дня оно уже с подписью полковника и печатью пошло в Москву.

Однажды после уроков Генька поехал в Исторический архив.

Вахтерша — пожилая, усатая толстая тетка с могучими, как у борца, плечами, — долго, дотошно выспрашивала, кто он да зачем ему архив. Потом позвонила куда-то по телефону и сказала хриплым басом:

— Порфирий Иванович, тут хлопчик якой-то до вас...

Порфирий Иванович оказался хмурым мужчиной, лет пятидесяти. Лицо у него было худое, желтое, как после болезни, а голова по форме напоминала тыкву.

— Ну, что тебе, мальчик? — вяло спросил он скрипучим, словно несмазанным, голосом.

Генька торопливо объяснил, в чем дело, и протянул бумагу, такую же, как он послал в Москву.

— Гм... Следопыты? — скучно усмехнулся Порфирий Иванович. — Это еще что за новость?

— Вовсе не новость. Об этом уже давно в газетах писали, — возразил Генька.

— Так, так... Значит, я не читаю газет? — обиженно проскрипел Порфирий Иванович. — Похвально!

Генька все время украдкой приглядывался к его лицу: было в нем что-то странное. И, наконец, Генька понял, в чем дело. Лицо Порфирия Ивановича как бы делилось вертикальной чертой на две половины: правая — как у всех, а левая — будто все время хмурилась: и глаз прищурен, и длинный, унылый нос скошен влево, и левые края губ оттянуты книзу.

— Архив, мальчик... э-э... дело серьезное, — скучным голосом произнес Порфирий Иванович. — Принеси другое отношение из школы. И чтобы там было четко сформулировано, кто ты и зачем... И вот, заполни, — он дал Геньке огромную, четырехстраничную анкету.

В школе Генька показал анкету Николаю Филимоновичу.

— Чем занимался до революции? Служил ли в белой армии? Состоял ли ранее в партии? Так, так, — проглядывая анкету, с усмешкой бормотал учитель и вдруг, побагро-

вев, взорвался: — Бюрократы! Чинуши! Живуч проклятый дух!

Он позвонил в архив.

— Да ведь это... Это ж просто, гм... странно, — стараясь удержаться от резких слов, сказал он Порфирию Ивановичу. — У ребенка вы спрашиваете, не служил ли он в белой армии...

— Анкеты типовые, одинаковые для всех, — невозмутимо ответил тот. — А если хотите знать... э-э... несовершеннолетних вообще могут не допустить к архивным материалам.

— Ну его, — сказал Николай Филимонович Геньке, положив трубку. — Заполни. А то разозлится, в самом деле не допустит.

Генька заполнил анкету, взял новое отношение из школы и отвез все это в архив.

— Через месяц, — проскрипел Порфирий Иванович.

— Как? — Генька оторопел.

— Я же по-русски сказал: за ответом приходи через месяц.

Генька ушел.

«Зануда!» — думал он, шагая по улице.

\* \* \*

Лестница была крутая со шербатыми ступенями. Оля остановилась на пятом этаже возле тридцать четвертой квартиры и перевела дух:

«Найду? Или нет?»

Это был старый, с облупленной штукатуркой дом на 6-й Советской, тот самый, где когда-то жил Казимир Жимский, а после его смерти сын Казимира — Борис.

Оля внимательно прочитала на двери, кому сколько звонить.

«Муромским — 1 раз,

Бахтину — 2 раза,

Розенфельду — 3 раза».

Список был длинный, и кончался Соминым-Мейлицевым, которому полагалось давать 3 длинных и 2 коротких звонка. Жимского в списке не было.

«Так и знала», — сердито подумала Оля, но все же нажала кнопку.

Никто не отворял.

«Наверно, Муромских нет дома», — решила Оля и позвонила два раза — к Бахтину.

Послышалось шарканье, кашель. Дверь молча открыла костлявая старуха. Ее седые лохматые волосы свисали пучками в разные стороны, а во рту торчали два длинных желтых зуба. Открыв дверь она все так же молча повернулась и ушла, шаркая шлепанцами.

Оля растерялась. Неожиданно она очутилась одна в огромной чужой кухне. Постояла, подождала.



«Может, кто-нибудь выйдет?»  
Никога.

Оля прошла из кухни в полутемный коридор и тихонько постучала в первую дверь. Никто не ответил. Оля прошла дальше, осторожно постучала во вторую дверь. Тишина. Девочка совсем разволновалась. Неужели во всей квартире она одна с этой странной,

лась. — А вы не помните, раньше здесь жил Жимский?

— Когда — раньше?

— Ну, — Оля задумалась. — Лет тридцать или сорок назад...

Парень свистнул.

— Ого! Тогда меня еще на свете не было. А тебе зачем?



словно немой старухой? Оле стало страшно. Она побежала вперед по коридору и с размаху забарабанила кулаком в какую-то дверь.

Что-то грохнуло, будто в комнате упал стул, и тотчас оттуда выскочил парень, босиком, в трусах и майке.

— Ты чего? — сердито крикнул он, протирая кулаком глаза.

«Спал», — догадалась Оля.

— Извините, — сказала она. — Простите... Здесь Жимский не живет?

— Нету тут никакого Жимского, — отрезал голоногий парень. — И это еще вовсе не резон дубасить кулаками в чужую дверь!

— Извините, — повторила Оля. Ей очень хотелось повернуться и уйти, но она сдержалась.

Сбиваясь и торопясь, Оля рассказала ему, в чем дело. Парень слушал, заинтересованно подняв брови.

— Подожди...

Сунулся в комнату и вскоре выскочил уже в брюках, рубахе и туфлях.

— Иди на кухню. Я мигом, — кинул он Оле.

Она слышала, как он стучал в двери, что-то коротко говорил и шел дальше. Вскоре в кухне собралось шесть человек, все пожилые. Среди них была и бабка, впустившая Олю в квартиру.

— Это наши старожилы, — сказал парень Оле. — Дуй, выкладывай!

И Оля снова рассказала, зачем пришла.

Старики сразу сочувственно заохали, заговорили наперебой. Особенно близко к сердцу



приняла Олину историю та самая старуха, которая впустила девочку в квартиру. Вовсе она была не немая и не такая уж странная, как сначала показалось Оле.

Выяснилось, что самый давний из жильцов живет в этой квартире с тридцать четвертого года. Жимского тогда здесь не было. Это он отлично помнит. Другие старики тоже не знали Жимского.

— Тише, пенсионеры! — постучал ладонью по кухонному столу парень. — Ну-ка, мозгуйте, кто в нашем доме самый древний жилец?

Старики опять засуетились, зашумели. В конце концов, все сошлись на том, что дольше всех в этом доме живет Макарыч из семнадцатой квартиры.

— Пошли, — сказал парень Оле.

Макарыч оказался маленьким, светлым, очень словоохотливым. У него была круглая, голая голова и длинные вислые усы.

— Жимский? — переспросил он. — Очень даже помню!

Парень легонько толкнул Олю в бок. Она насторожилась.

— Беспременно помню, — продолжал Макарыч, поглаживая усы. — Ушлый шельмец был. И крысоловки знатные мастерил. Очень толково — как мыша сунется, пружинкой его враз по голове — бах! И каюк.

Оля тревожно поглядела на парня. Тот пожал плечами.

— А еще пиво он знаменито хлестал, — с воодушевлением продолжал Макарыч. — Однажды на спор восемнадцать кружек вынул — подряд... Во! — Макарыч гордо покрутил головой. — Только звали его не Жимский. Нет, не Жимский. Его Володькой Спириным звали — точно...

— Тьфу, — рассердился парень. — А Жимский?

Макарыч задумался, прищурил маленькие красные глазки.

— Жимский? Это который в будке? Утиль скупал?

Парень взял Олю за плечи, повернул ее и, ни слова не говоря, увел от Макарыча.

— Старческий склероз. Медицина в данном случае бессильна, — сказал он, выйдя на двор. — Что же дальше, товарищ следопыт?

Оля молчала.

Парень закурил, задумался.

— Потопали, — наконец, сказал он и первым вышел из ворот.

Оля еле поспевала за ним. Они прошли по улице, свернули налево, потом еще раз свернули и остановились возле маленького, ярко

раскрашенного, словно игрушечного, киоска с надписью «Ленсправка».

— Девушка, — сказал парень в окошечко. — Мне нужен адрес гражданина Жимского Бориса... Как дальше? — повернулся он к Оле.

— Казимировича...

— Заполните, — девушка протянула бланк.

Парень быстро написал что-то, потом остановился.

— Год рождения?

Оля задумалась.

— Точно не знаю. Лет шестьдесят назад...

— Так, — парень протянул заполненный бланк и деньги в окошечко.

Они стали ждать. Прошло минут пятнадцать, девушка открыла окошечко.

— Не проживает, — коротко сказала она.

— Финиш, — вздохнул парень. — Айда по домам...

Оля, поглядев на расстроенную Олю, остановился.

— А может у этого... Жимского... еще дети были? Не только Борис? — вслух подумал он. И сам подтвердил: — Теория вероятности вполне допускает такой вариант...

— Девушка, — постучал он в окошечко. — Проявите творческий подход. Нужен адрес Жимского или Жимской. Но имени его или ее мы не знаем. Есть только отчество — Казимирович или Казимировна...

— Я не гадалка, — обиделась девушка. Окошечко захлопнулось.

— Итак, дипломатические отношения прерваны, — сказал парень, но не уходил.

— Как полагаешь, сколько в Ленинграде Жимских? — повернулся он к Оле.

— Всего?

— Да, всего...

Оля задумалась. Наверно, много. Где-то она читала, что Ивановых в Ленинграде — больше сорока тысяч. Ну, Жимские это, конечно, не Ивановы, не такая распространенная фамилия, но все же...

— Может, проверить всех Жимских подряд? — предложил парень. Но тотчас сам отверг свой план. — Нет, не выйдет. Кустарщина.

— А может, он уже давно умер, — подумав, сказала Оля. — Или погиб на войне...

Парень промолчал.

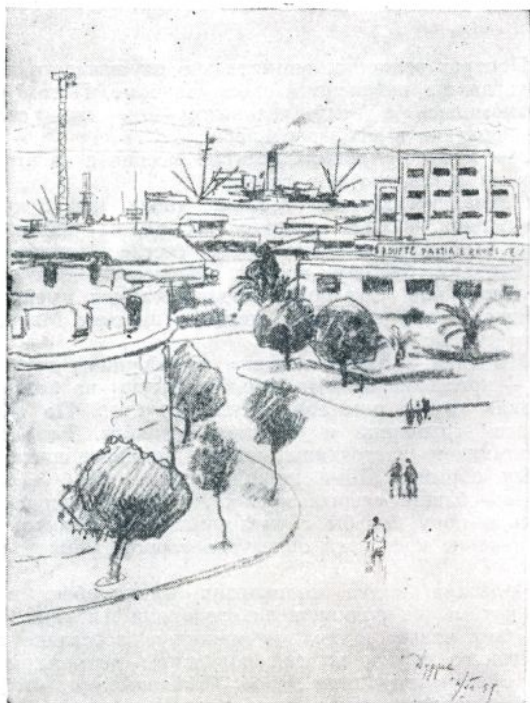
Около трамвайной остановки они простились.

— Ну, следопыт, гляди сквозь землю на метр и даже глубже, — сказал парень. — И главное, не скисай...

«Легко ему говорить», — подумала Оля и села в трамвай.

*Продолжение следует*





Первый город на албанском берегу — Дуррес. Вот, наконец, пришвартовался к причалу наш теплоход «Белоостров». На борту теплохода вместе с нами приехали домой на каникулы албанские, вернее, московские студенты. Сколько радости, объятий, поцелуев! Бегут по трапу ребятишки с букетами. Мы оглядываемся по сторонам, — нас еще не ждут... И вдруг из толпы возглас на русском языке: «Советские художники есть?»

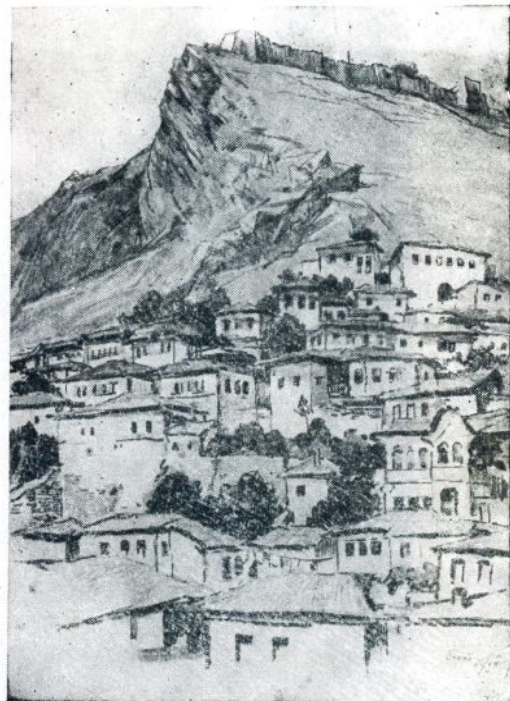
Первые впечатления в этом маленьком порту потом совпали со многими другими. В Дурресе, как во многих городах Албании, среди современных новых зданий — узенькие кривые улочки с домами за высокими каменными стенами.

Тирана — столица Албанской республики. Днем мы побывали на выставке советского искусства в обществе албано-советской дружбы, а вечером бродили по городу. Мне надолго запомнилась вечерняя Тирана. На площади Скандербега шли концерты перед поездкой на Всемирный фестиваль. Толпы народа на площади — многотысячное жюри.

## В стране друзей

Из албанского альбома  
художника Ю. Подляского

Всего несколько сотен километров от северной до южной границы маленькой гористой страны. Среди синих гор — тихие озера, долины с виноградниками, оливами и смоковницами, а на западе — солнечная Адриатика. Это Албания — край хороших друзей, у которых мы гостили полтора месяца.







Портрет человека, внимательно слушающего концерт, я тогда же набросал в своем альбоме. Потом мы познакомилась с этим человеком — он член сельского кооператива в местечке Фиери...

Мы жили в Албании полтора месяца и за это время успели изъездить всю страну.

Развалины древних городов, таких, как Бутринто и Аполлония, — седая старина. И рядом — сегодняшний день Албании: широкие улицы, светлые корпуса домов и заводов, буровые вышки, хлопковые поля сельских кооперативов. Вот новая электростанция имени Карла Маркса — она построена недавно на реке Мати, в самом сердце гор.

Мы едем в Берат и видим по обочинам дороги обозы — крестьяне целыми семьями спешат на базар, в повозках груды помидор, яблок, фруктов. По асфальту мчатся грузовики и легковые машины. Город Берат напоминает ласточкины гнезда, прилепившиеся к самому обрыву. Дома карабкаются в гору, а на вершине — башни старых крепостей. Такие города строились в пору борьбы с иноземными захватчиками, расположение крепостей облегчало горцам защиту от врагов.

Издалека видна колокольня Скандербега в Круе. И вот мы на родине великого воина Албании. Пятьсот лет назад поднял он народное восстание против турецкого ига, и до сих пор живы легенды и песни о любимом народном герое. Рассказывают, что Скандербег говорил своим землякам: «Не я принес вам свободу — я нашел ее в ваших сердцах!».

Албания — страна неожиданных сочетаний. Здесь как бы встречаются разные, несоместимые эпохи. Албанцы многие века находились под турецким владычеством, и поэтому здесь живы мусульманские обычаи. В каждом городе есть минареты — высокие остроконечные башни, можно встретить на улицах женщин в белых мусульманских покрывалах. Или мужчин в маленьких фесках и чалмах, сидящих по-турецки в придорожной тени.

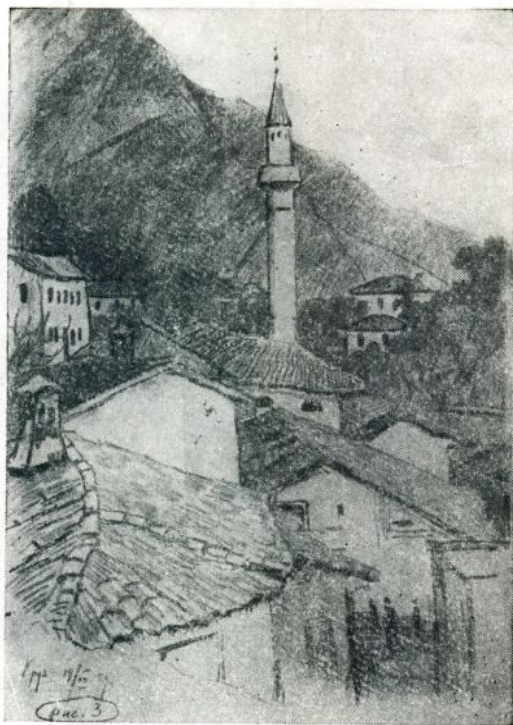
Разнообразна природа Албании. Снег на горах, прохладные ущелья, хвойные леса... А через несколько часов езды на юг — прозрачная листва оливковых рощ, разлапистые кактусы выше человеческого роста и виноградники вдоль дорог...

С албанскими пионерами мы подружились на озере Шкодер, на севере Албании. Мы там жили целую неделю. Наши маленькие друзья очень похожи на вас, наши читатели, только, может быть, гораздо смуглее многих из вас, да глаза темнее.

В старом южном городе Гьирокастре перед отъездом на родину у нас было очень много работы, и мы не могли так подолгу, как раньше, встречаться с местными ребятами. Мы почти не выходили из гостиницы, где остановились. И вот однажды мы рисовали с балкона главную улицу Гьирокастры. Было раннее безлюдное утро. И вдруг — что это? — под аккомпанемент горна мы слышим песню на русском языке: «Ой, рябина, кудрявая...» Отряд пионеров — исполнители песни — бодро промаршировал под нашими окнами...

Ребята разузнали, где живут советские художники, и таким образом от всей души приветствовали нас.

Незадолго до отъезда все свои работы мы демонстрировали в Тиране на отчетной выставке. Никогда не забуду заинтересованных, дружеских лиц посетителей этой выставки! И сейчас моей работе помогают эти приятные воспоминания. А задумано и начато многое — «Албанские Альпы», «Колокольня Скандербега в Круе», «Утро на озере Шкодер», «Базар в Милотти»... То, что вы видите в журнале, — только эскизы к некоторым будущим полотнам.







В АЛБАНСКОМ ГОРОДЕ







## Лисица и тигр

Однажды тигр поймал в лесу рыжую лисичку и хотел было уже позавтракать ею. Но хитрая лисичка сказала тигру:

— Ты не должен меня есть, я — посланница Небесного Императора. Он отправил меня на Землю для того, чтобы я властвовала среди зверей. Горе тебе, если ты посмеешь ослушаться приказа Небесного Императора.

Тигр презрительно оглядел маленькую лисичку, а она продолжала как ни в чем не бывало:

— Если ты сомневаешься в моих словах,

пойдем вместе в джунгли. Тогда увидишь, как все звери, увидев меня, будут объяты страхом.

Тигр согласился, и они отправились: лисица впереди, а тигр позади.

При виде тигра все звери в панике разбежались в разные стороны. Обернувшись к тигру, лисица сказала ему, торжествуя:

— Смотри, как все звери меня боятся!

— Да! — согласился тигр, — теперь верю, что у тебя неоспоримая власть. Как только они тебя завидели, так сразу все и разбежались.

*Пересказала Р. Красильщикова*

## Три каштана или четыре

Один человек дрессировал обезьян. Он очень любил своих питомцев и кормил их не хуже, чем родных детей. Он научился угадывать их желания, и обезьяны понимали каждое слово хозяина.

Но хозяин был беден. Пришло время, когда в доме почти не осталось пищи. Об этом надо было объявить обезьянам, и человек боялся, что обезьяны взбунтуются. Пришлось пуститься на хитрость.

Он сказал обезьянам:

— Дела мои плохи. Я буду давать вам только по три каштана утром и по четыре вечером.

Как он думал, так и случилось. Обезьяны повскакали с мест и в гневе подняли такой крик, что хозяин должен был заткнуть уши. Когда же они утомнились, он развел руками и сокрушенно сказал:

— Делать нечего. Придется мне уступить. Я буду давать вам по четыре каштана утром и по три вечером. Этого вам, наверное, хватит.



И обезьяны тотчас же успокоились. Они уселись на корточки и радостно замахали хвостами. Они были довольны, что сумели настоять на своем и добиться такой большой прибавки.

Хозяин тоже был очень доволен.

*Пересказал М. Туберовский*



## Главное во всяком деле — чувство меры



Купили как-то два брата вскладчину одну пару зимних сапог на двоих. Договорились, что будут носить поровну, кому когда нужно. Но так как старший брат был бродячим жестянщиком, а младший — портным и работал дома, то днем сапоги всегда носил один старший. Не желая отставать от него, младший решил наверстать свое ночью. Как только брат засыпал, он тут же надевал сапоги и до самого утра расхаживал в них по фанзе.

Прошло два месяца. Не знаящие ни минуты покоя, сапоги быстро износились и в один прекрасный день отправились к старьевщику. Братья за это время богаче не стали, поэтому старший опять предложил купить новую пару вскладчину.

— Нет, с меня хватит, — покачал головой младший. — Я тоже хочу спать.

## Тут обопьешься



«Нет, на один раз этого, пожалуй, многовато. Другой на моем месте растянул бы ее на всю неделю... Правильно, так и делаем. Съедем под конец праздников, а пока пусть лакомятся вприглядку».

Когда жена подала ужин — даже в этот день он состоял из одной жидкой похлебки, — помещик повесил рыбу над столом и строго оглядел сыновей.

— Знаете, как едят вприглядку? То-то же. Взглянул — отхлебни, опять посмотри и снова сделай глоток. Только шибко не гляди — это на все праздники.

Вздыхнув, сыновья разобрали куайцзы — палочки для еды — и принялись за еду. Время

Помещик Ван Гуй был так скуп, что даже собственных детей и то кормил впроголодь. Поэтому все очень удивились, когда однажды под Новый год он купил в сельской лавке целую соленую треску.

— Так уж и быть, порадую своих наследников, — сказал он лавочнику. — А то всё плачут, что голодные.

Однако по дороге домой помещик передумал.

от времени то один, то другой поднимал глаза на треску, но тут же опять склонялся над своей миской.

— Отец, — пожаловался вдруг младший из братьев. — А Ху Чжэн смотрит больше, чем ест!

— Да? Ну и пусть, — спокойно ответил помещик. — Ему же будет хуже — обопьется потом, дурак.

Перевел Ю. Шашлов





# Встречи с морем

С самого детства меня тянуло к морю. С интересом собирал я и подолгу рассматривал картинки, изображавшие море и корабли.

Жили мы в одном из маленьких городков Донбасса. Когда мне минуло девять лет, нам с сестрой пообещали: если мы благополучно перейдем в следующий класс, бабушка возьмет нас с собой в Крым. Я уже заранее готовился к своей первой встрече с морем, но к концу учебного года произошло непоправимое несчастье: я получил в четверти двойку по арифметике! Сестра поехала с бабушкой в Алупку, а я остался дома решать задачи с бассейнами, из которых вытекала пресная, а не морская вода, и с пешеходами, которые шли навстречу друг другу... Вы представляете, с какой завистью слушал я осенью рассказы Лизы о море, и рассматривал камешки с морского берега, разнообразной формы и изумительной окраски.

Если лизнуть такой камешек, на языке долго остается солоноватый привкус, и чувствуется запах рыбы и морских водорослей.

Я отобрал у Лизы все камешки и долго носил их в карманах, а на ночь клал под подушку. Таким было мое первое, заочное знакомство с морем...

Прошло много лет. За это время я добросовестно справился со всеми бассейнами и пешеходами, закончил образование и стал художником. Ка-

мешки, отобранные мною в детстве у сестры Лизы, давно нашли себе новое пристанище среди игрушек моего сына, — он грузил ими свои автомашины и пароходы.

Но детская мечта о море не оставляла меня все эти годы. И она осуществилась, — наконец, я приехал в Крым.

Так вот оно какое — море! То спокойное, отражающее розовые легкие облака. То взволнованное, штормовое, усеянное сердитыми белыми гребешками. Огромные волны, догоняя и подталкивая друг друга, с грохотом обрушиваются на прибрежные камни...

После нескольких поездок на юг мое знакомство с морем перешло в прочную дружбу.



Говорят, что «друзья наших друзей — наши друзья». Меня стали интересовать морские



порты, и все то, что связано с рыбным промыслом, военно-морской и морской пограничной службой. И хотя считается,



что Ленинград стоит на Неве, но, честное слово, в наш торговый порт забегают настоящие морские волны и залетают морские чайки. И если морская жизнь романтична, то в нашем порту романтики хоть отбавляй, особенно в период белых ночей...

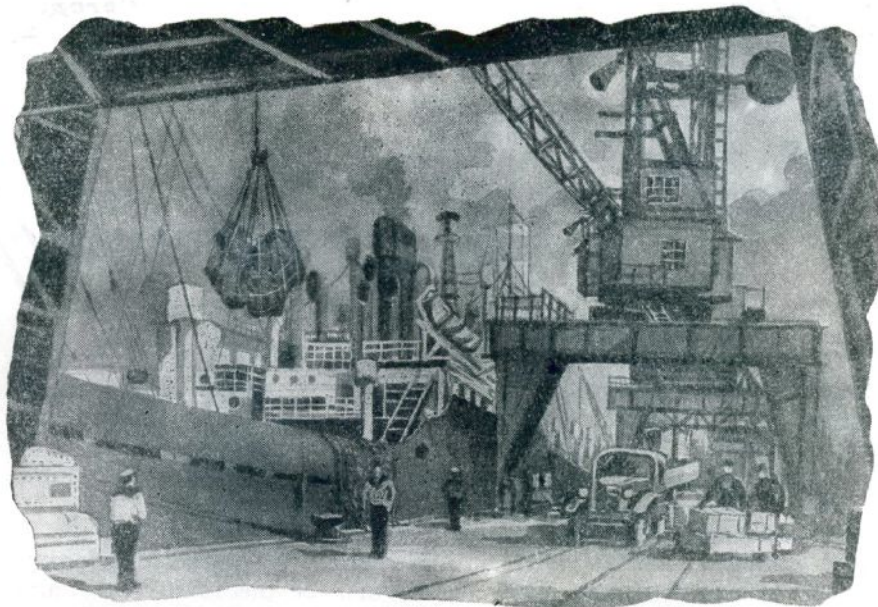
Большие торговые корабли пришвартовываются у причалов и живут какой-то своей жизнью. Под их названиями я читаю: «Рио-де-Жанейро», «Марсель», «Владивосток»... Вот откуда пришли они!

Хлопотливо снуют по рейду деловитые буксиры. Высокие краны, словно огромные дрессированные жирафы, опускают, поднимают и поворачивают длинные шеи, четко производят погрузку судовых трюмов. В лесной гавани, где постоянно держится запах смолистой древесины, пловучие гиганты — краны — прямо из воды вытаскивают мокрые связки строевого





леса. И над всем этим — серебристая дымка белой ночи. Сигнальные огоньки кораблей, стоящих на рейде, чуть мерцают, и еле виден то появляющийся, то исчезающий свет



чудливые ледяные горосы. Только к концу апреля стаял снег, и обнажился белый песчаный берег. Я бывал частым гостем в приморском городке Клайпе-

ковья. Вот подворье, имеющее пятисотлетнюю давность. И тут же, рядом, — современные кварталы с многоэтажными домами. А в рыбном колхозном порту, рядом с сейнерами и рыболовецкими судами новейшей конструкции, — старые баркасы и парусные лодки.

Я рассказал вам коротко о моих встречах с морем. Добавлю по секрету: сейчас я мечтаю побывать на Белом море и в Северном Ледовитом океане. И если мечта моя сбудется, я обязательно поделюсь с вами своими новыми впечатлениями.



дальнего маяка, а за ним — необъятные просторы открытого моря...

Весной этого года мне посчастливилось завести интересное знакомство с самим Балтийским морем. Весна в Прибалтике была очень холодной. Частые штормы нагромоздили на берегу моря, в Паланге, при-



да. Здесь большой торговый и рыбный порты, судоремонтный



завод. В городке узкие улочки, архитектура позднего средне-







## ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ!

ВСЕМ  
УЧАСТНИКАМ  
МОРСКИХ  
КОНКУРСОВ  
„КОСТРА“  
И ЛЮБИТЕЛЯМ  
МОРСКОГО ДЕЛА.

Штаб ЮМУ предлагает вам придумать значок морского клуба „Костра“ для награждения юных морских умельцев — участников наших конкурсов.

Значок может быть нагрудным или нарукавным, любых размеров, формы и расцветки.

Старайтесь, чтобы значок получился простым и нарядным. Надписи выбирайте покороче или изобразите их сокращенно — заглавными буквами.

Заодно подумайте: из каких материалов удобнее изготовить такие значки и как их прикреплять к одежде.

Эскиз (рисунок) выполните красками, тушью или цветными карандашами на листе бумаги размером с почтовую открытку.

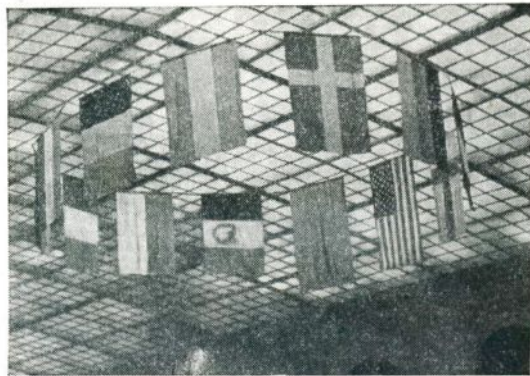
Ваш проект шлите по адресу: Ленинград, С — 15, Таврическая, 37, „Костер“, штаб ЮМУ. Срок — 31 декабря 1960 года.

О самых интересных значках мы расскажем в журнале, лучший — примем к массовому производству. Авторы этих эскизов получают премии и дополнительные очки в конкурсе.

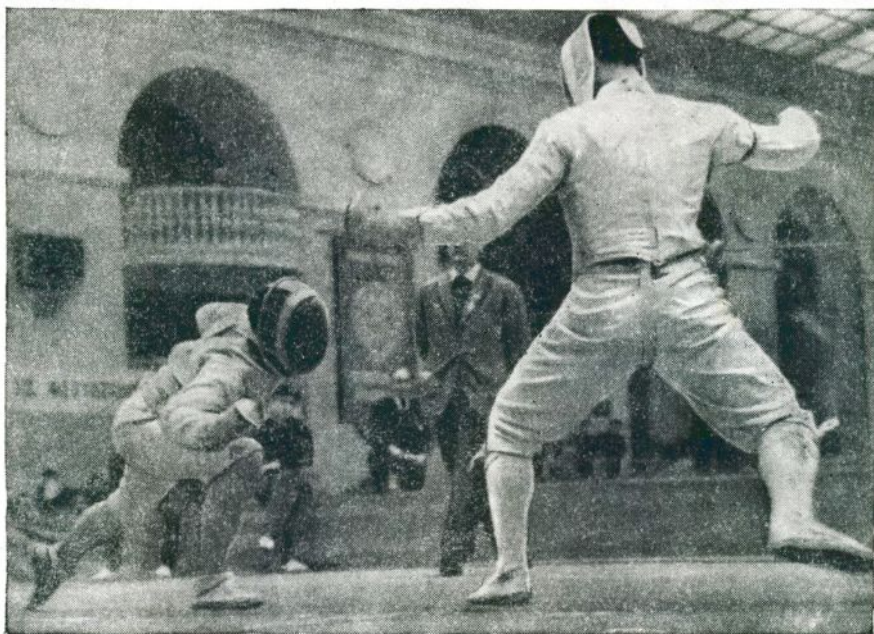
**ИТАК, ЗА РАБОТУ!  
ЖЕЛАЕМ УСПЕХА!**

Штаб ЮМУ





## ОНИ СКРЕСТИЛИ ШПАГИ



В Ленинград съезжались гости. Особенные гости: кроме обычных чемоданов, каждый вез мешок, в котором воинственно позвякивали шпаги. Или рапиры. Или сабли. Конечно, — спортивные.

Спортсмены многих стран участвовали в Одиннадцатых всемирных соревнованиях молодежи по фехтованию. Ни одному из участников еще не исполнился двадцать один год.

На наших снимках: момент боя, сценка в перерыве между боями, чемпион по шпаге Адальберт Гурат (Румынская Народная Республика) и чемпионка по рапире Алла Шепелева (СССР).

*Фото О. Василевского*





# Фехтовальщица

*Р. Красильщикова*

В кружок по фехтованию  
вступила наша Ира.  
Забрезжит утро раннее —  
она уже с рапирой.  
Выпад — раз,  
выпад — два,  
быстрый, меткий взгляд сперва,  
и — укол решительный  
в атаке сокрушительной!  
Не скроем:  
кто героем  
в дальнейшем хочет стать,  
тому не помешает  
отлично фехтовать!  
Выпад — раз,  
выпад — два,  
быстрый, меткий взгляд сперва...  
Но... все же,  
кроме маски,  
нужна и голова! —  
Вот перед классом карта мира,  
а перед картой наша Ира:  
— Скажи-ка, Ира, где Тибет? —  
И тут указкой, как рапирой,  
Ирина действует в ответ.  
Мгновение —  
взвилась указка,  
и — продырявлена...  
Аляска!



*Рисунки В. Фомина*



# Хвастун

*В. Старосельский*

Говорит ребятам Вася:  
— Я еще в четвертом классе  
Самым сильным был и смелым,  
Самым первым был спортсменом,  
Побивал не раз рекорды...  
— Ну, а учишься?  
— В четвертом...  
Оказалось тут, что Вася  
Третий год в четвертом классе.





## В «Костре» № 7

**БАБОЧКА** — так моряки называют способ постановки парусов, когда попутный ветер дует прямо в корму, то есть его направление совпадает с курсом судна (рисунок 1).

**БАРАН** — на небольших речных судах якорь выбирают с помощью простого деревянного ворота — барана.

**БУРУНДУК** — для швартовки спущенных на воду шлюпок на военных кораблях устанавливают особое бревно — «выстрел». По нему матросы спускаются в шлюпки. Бурундук — это снасть, которая идет от носа (свободного конца «выстрела») в сторону кормы (рисунок 2).

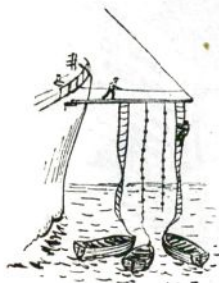
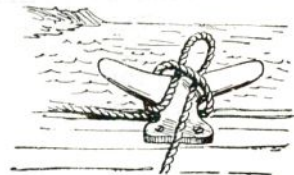
**ВЕРБЛЮД** — на небольших судах и шлюпках руль переключают с помощью рычага-румпеля. На деревянный румпель, сверху, для большей прочности крепят дополнительную накладку. Она называется «верблюд» или «верблюжонок».

**ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО** — для наблюдения за поверхностью моря на мачте иногда устанавливается бочка и оборудуется наблюдательный пункт — воронье гнездо. Бочка защищает наблюдателя от ветра и предохраняет от падения во время качки. Много часов проводят на таком наблюдательном пункте моряки китобойных флотилий — они зорко высматривают китов и кашалотов (рисунок 3).

**ВЫДРА** — способ крепления концов досок обшивки деревянных судов. Более правильное название — шпунт.

**ГЛУХАРЬ** — внутренняя металлическая крышка, которой наглухо закрывается иллюминатор в штормовую погоду (рисунок 4).

**УТКА** — деталь на судне, за которую крепят концы различных снастей (рисунок 5).



## В «КОСТРЕ» № 8

### ЦВЕТЫ

Роза, ирис, ромашка, фиалка, тюльпан, магнолия, василек, маргаритка, мак.

### ГРИБЫ

Рыжик, опенок, боровик, масленок, подосиновик.

### ШАРАДА

Каб + ель = кабель

### «ДЕНЬ И НОЧЬ»

День — сень — сено — село — соло — соль — ноль — ночь.

### ЗАДАЧА КАДРИКА

$$X - V = V$$

Редактор *Н. С. Косарева*

Редакционная коллегия: *В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Паителесв, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Тербиинская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова*

Художник-редактор  
*Ю. П. Мезерницкий*  
Корректор *М. В. Яхонтова*

Технический редактор  
*А. А. Двораковская*  
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76

М-34102. Подписано к печати 2/IX 1960 г. Формат 84×108<sup>1/16</sup>. Печ. л. 8+2 вкл., 6,98 усл. печ. л. 88 уч.-изд. л.  
Тираж 220 000 экз. Заказ № 1679. Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза, Ленинград, Измайловский пр., 29.  
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.





ГОРНИСТ



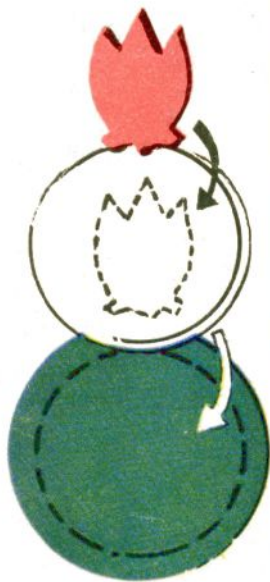
ГОЛУБЕВОД



ЦВЕТОВОД



РАЗВЕДЧИК-СЛЕДОПЫТ



КОСТРОВОЙ

### СДЕЛАЙ САМ

Из обрезков разноцветного целлулоида можно сделать красивые и удобные знаки различия пионерского актива, значки пионеров-инструкторов и пионерских специальностей.

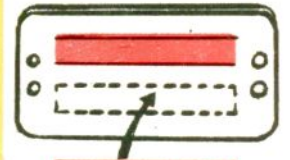
Полоски нашивок вырежьте из целлулоида красного цвета и приклейте их к белой пластинке эмалитом, „АК“, рапидом, „БФ“ или другим нитроклеевым составом. Клей можно приготовить самим: настругайте целлулоид кусочками, положите их в стеклянную баночку и растворите в ацетоне. Не забудьте плотно закрыть сосуд, иначе клей быстро густеет.

Если цветного целлулоида нет, то вырежьте детали из белого целлулоида и окрасьте их в нужный цвет масляной краской. Заготовки круглых деталей надрежьте сначала по контуру ножкой разметочного циркуля, заточенной наподобие резца. У вырезанных деталей углы и кромки обработайте мелким напильником или шкуркой.

У таких нашивок и значков всегда опрятный вид, и они долго носятся.



КАРАУЛЬНЫЙ



ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ



ТЕХНИК



МОРЯК



СИГНАЛЬЩИК



ЗАТЕЙНИК



ПРОЧТИ  
ЭТИ  
КНИГИ

